

*ИЗ РУКОПИСЕЙ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ*

Епископ ГУРИЙ

БОГОЗДАНЫЙ ЧЕЛОВЕК
Опыт православной теодиции жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

Христианство является единственной в мире религией, которая дает опытную проверку своих упований. Оно в точности осуществляет и исполняет всё то, что проповедует и обещает. Христианство, беря человека в его обычном земном существовании, заявляет, что это обычное человеческое существование поражено греховной порчей и не есть то нормальное существование, в каком должен жить человек по идеальной природе своего бытия. Оно указывает причины происшедшей аномалии (порчи) человеческой жизни, раскрывает самую сущность этой аномалии, способы и средства ее уврачевания и предлагает самый путь действительного изменения испорченной человеческой природы и восстановления ее в идеальное состояние. Во всех своих основоположениях или догматах христианство опирается теоретически на слово Божие и учение Церкви, а практически — на живую Личность Богочеловека Христа, осуществившего на Себе идеал истинного человека, и на опыт бесчисленного множества христиан, достигших уврачевания своей испорченной природы и показавших идеальные образы возвышенной жизни.

Таким образом, в христианстве фактически оправдывается возвещаемая им теодиция жизни. Опыт православной теодиции жизни, или, что то же, христианское оправдание смысла жизни мы и предлагаем в настоящем труде. Мы не коснемся вопроса об истоках человеческой веры в Божество, как Божество раскрывается человеческому духу через созерцание окружающего мира и во внутренних глубинах человеческого самосознания. Мы исходим из сознания верующего в Премирного Бога и в тайниках сердца ставящего себя пред Лице Божие и даем схему (ряд) суждений о том, как верующее сознание осмысливает себя в своем религиозном уповании. Суждения наши начинаются с посильного воображения того идеального состояния, в котором представляется христианскому сознанию человек до внесения в свою природу греховной порчи.

Глава I. ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

«Если не уведем, какими нас создал Бог, то не познаем и того, какими нас создал грех».

Св. Григорий Синаит (Добротолюбие, т. V, с. 206)

А. ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ БОГОЗДАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Жизнь богозданного человека в идеальных нормах его бытия, в его райском состоянии может быть определена по восстановленной и уврачеванной Спасителем мира человеческой природе. Подвижники благочестия в своих духовных созерцаниях прозревали неповрежденную грехом природу богозданного человека, определяя черты этой природы по учению слова Божия и по чертам человеческой души, возрожденной благодатью и восшедшей на высоту духовного совершенства. В святоотеческих созерцаниях мы должны видеть живое предание Церкви, что служит гарантией против привнесения личного элемента в указанную область суждений и застраховывает ее от превращения в ряд индивидуальных концепций (представлений). «Бог любви есть».

1. Сердце как средоточие жизни

На высотах духовной жизни Божество созерцается в человеческом духе как полнота всеобъемлющей любви и Источник всякого блага. Хотя Оно в человеческом духе созерцается так же, как Всеведущее и Всемогущее Существо, но эти созерцания являются скорее созерцаниями отдельных свойств Божества. Переходя в созерцание целостного образа как живой Самосущной Личности, они воплощаются в созерцание Божества как Источника жизни и всякого блага, как неисчерпаемой полноты любви, любовью все наполняющего и все содержащего. В ответ на такое созерцание Божества в идеальных свойствах человеческого духа, в окружающем мире и домостроительстве нашего спасения душа, ставшая себя пред Лице Божие, в действительном ощущении этого предстояния неизбежно захватывается в высшей степени интенсивным по силе и неизъяснимым по благодатной приятности сердечным переживанием Бога, как верховного Источника всякого блага, Источника ее собственного благобытия и всего прочего, что окружает ее.

В этом случае сердечная область становится средоточием всего содержания человеческой личности, собирая в себя всю сумму духовных сил человека и все их сводя в умное чувство Божества как полноты всеобъемлющей Любви. Благодаря этому в жизни богозданного человека, в его идеальных нормах существования сердце должно иметь превалирующее значение и как бы пропускать чрез себя, чрез волнующие его переживания все то, что касается области познания и области волевой деятельности душевной жизни. Здесь мы должны иметь в виду учение слова Божия о сердце как средоточии жизни. В соответствии с этим и преподобный Исаак Сирин учит, что «ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень»¹.

Основным содержанием сердечных переживаний является умное чувство Божества, или ощущение изливающейся от Лица Божия неизъяснимой по своей полноте, всеобъемлемости и глубине любви Божией к созерцающей Бога душе и всему Божию созданию, любви, вызывающей ответные чувства всепреданной любви и благоговения, объемлющие все существо человека, чувства благодарения, хвалы и прославления.

¹ Творения преп. Исаака Сирина. Сергиев Посад, 1893, с. 31.

Это переживание, как постоянное, всегда возвышенно волнующее сердце, является для души силой, источающей ей жизнь. В этом возвышенном переживании от Источника жизни — Бога в душу как бы переливаются токи Божественной жизни, устанавливается постоянное соприкосновение Божественной полноты жизни с существом человеческой души. Здесь душа получает Божественное питание, приобретает Бога и в Нем черпает неоскудевающие силы к осуществлению идеальных норм бытия (богоугодной жизни). При таком созерцании «рай,— по преподобному Исааку Сирину,— есть любовь Божия, в которой — наслаждение всеми блаженствами»².

Таким образом сердце является благодатным органом единения души с Богом, местом таинственного Богообщения, где Божество говорит о Себе человеку ощущаемыми всем существом души излияниями Божественной любви и где душа служит живо ощущаемому ею Богу, как премирно возвышенной Личности, непрестанными жертвами прославления, хвалебного благодарения и всепреданной любви. При таком положении и значении сердца в идеальной (райской) жизни богозданного человека, естественно, другие области душевной жизни — познание и воля — должны находиться под влиянием сердца и в своей деятельности соотносываться с его жизнью.

2. Область познания в идеальной жизни богозданного человека

а) Нормы обычного познания

В некоторых условиях жизни, как известно, познание наше в своей начальной стадии представляет психо-физиологический процесс, т. е. ощущение, которое творческим актом сознания преобразуется в представление, а затем тем же творческим актом, творческою деятельностью сознания создаются понятия и умозаклучения о познаваемом нами. В начальной стадии познания в психо-физиологическом процессе ощущения и в процессе первичного представления мы воспринимаем отдельные стороны единого предмета как самостоятельные, независимые одно от другого явления сознания (в представлении, например, окна отдельно воспринимаются: стекла, переплеты рам, замазка и т. п.). Творчески формирующей деятельностью самосознания отдельные самостоятельные ощущения и представления перерабатываются в представления целого предмета и общие представления, а затем формируются понятия, создаются идеи. Задача познания состоит в том, чтобы все познаваемое подвести под общие понятия, в этих общих понятиях осмыслить все существующее и по возможности понять его в едином высшем синтезе. Дух наш, таким образом, как бы все время борется с разрозненностью, необходимую в бытии, с отдельным самостоятельным существованием и самостоятельным воздействием на познающий дух отдельных видов и форм бытия, стремится преодолеть эту разрозненность, осмысливая окружающее в общих понятиях и ища высшего синтеза для всей своей области познания.

б) Нормы познания богозданного человека

Посмотрим теперь на эту же область познания в идеальной жизни богозданного человека, жизнь которого, как мы видим, сосредоточена в покое сердца.

Сообразно устройству психо-физической природы человека начальный процесс познания здесь должен быть одинаков, т. е. представлять собою психо-физиологический процесс обычного ощущения и представления. Но далее неизбежно должна последовать существенная разница. В обычном процессе познания созданные творческою деятельностью са-

² Там же. Сергиев Посад, 1911, с. 397.

мосознания представления являются более или менее самостоятельными, вернее сказать, самодовлеющими переживаниями познавательной области (сознания), которые потом в стремлении души к осмысливанию окружающего в общих понятиях и в общем синтезе комбинируются и перерабатываются по логическим законам мышления, причем каждая созданная творческим актом самосознания новая форма пребывает как самодовлеющее переживание. Только иногда человеческая мысль в долгих поисках высшей и высшей формы синтеза приходит к признанию последней и конечной причины всего сущего — Бога, Творца всего и все в Себе содержащего — высшего синтеза бытия и человеческого познания.

В идеальной жизни богозданного человека созданное творческой деятельностью самосознания представление (о том или ином внешнем предмете) не может пребывать самодовлеющим ни одного мгновения. Оно должно сейчас же перенестись в область сердца, поступить, образно выражаясь, в распоряжение волнующих покоящееся в Господе сердце переживаний. (Думается, что должна быть разница и в самом физиологическом ощущении процесса познания, точнее сказать, его локализации.) Если теперь этот процесс ощущается нами как происходящий в головном мозгу, то здесь, ввиду преобладания жизни сердца, он, может быть, должен ощущаться, или локализоваться, в сердечной области³.

в) Синтезирование в Боге

В сердечном переживании созданное творчеством самосознания представление встречает все освящающего и в Себе все содержащего Бога, Источника и Виновника всего сущего. Полученное представление входит в состав этого переживания и сейчас же становится в должное отношение к Высшему Существу, синтетически осмысливается в Нем и опознается как Его творение, Ему принадлежащее, и как вещь внешнего мира, и как человеческое представление о ней. Понятно, что при таком процессе созидания познание богозданного человека должно представляться совершенно иным по своему характеру и качеству сравнительно с обычным познанием. Оно все будет строиться на базе синтеза в Боге, и формирующая синтетическая деятельность человеческого рассудка лишь будет расширять и углублять познание всего в этом высшем синтезе. Рассматриваемое с этой точки зрения познание богозданного человека, при всем разнообразном постижении сущего и во всех различных частях его — будет ли это познание научное или простое рассмотрение вещей окружающего мира, в своей сущности станет представлять не что иное, как постепенно все расширяющееся и углубляющееся познание Бога. Всякий познаваемый предмет, возводя ум к Богу и синтезируясь в Боге в связи с соответствующим сердечным переживанием Бога, тем самым все глубже и глубже печатлеет в человеческой душе Бога, непостижимого в Своем Существе. Вследствие этого и самая жизнь богозданного человека будет раскрываться перед нами как жизнь непрестающего Богообщения и Богопознания, постепенно углубляющихся и прогрессирующих и возводящих человека на высшие и высшие ступени духовного развития.

Таким образом, то, что в обычном человеческом познании может быть (и притом далеко не всегда) лишь в конце, в итоге человеческого познания, именно — осмысливание всего в одном высшем синтезе, то, что в этом познании является искомым, к чему познающий дух человечества усиленно стремится и далеко не всегда находит (высший синтез всего в Боге), — все это является данным в самых начальных стадиях процесса познания богозданного человека и сопровождает этот про-

³ Добротолюбие, т. V, с. 316, 326.

цесс во всем его последующем развитии, венчая собою все формы, виды и степени познавательной деятельности богозданного человека.

г) Простота и одновидность познания богозданного человека

Существенно отличительная черта, характеризующая это познание, та, что все вещи и все окружающее здесь рассматриваются не сами по себе, в своей замкнутости и самодовлеемости, а в Боге, Источнике всего сущего, и в своем восприятии они познаются не только сравнительно одна через другую, чем обычно ограничивается узкий кругозор естественного человеческого познания, а возводятся к Богу как к своему Виновнику и высшему синтезу. Это дает познанию устойчивость, определенную качественную ценность и сообщает ему характер простоты и одновидности, понимаемой в смысле опознания сущего чрез Бога, в Боге и Богом.

Одновидность познания богозданного человека, понимаемая в указанном смысле, представляет противоположность многовидности обычного человеческого познания, разрозненного на бесконечное множество представлений о предметах и вещах окружающего и не могущего объединить многообразие человеческого опыта в едином высшем синтезе. Ввиду раскрытого нами характера познания богозданного человека, познание это, в отличие от обычного дискурсивного мышления, можно назвать созерцанием. Здесь все сущее созерцалось в самом истинном существе его, опознаваясь как одеяние славы Божией, как премудрое творение Божие, возвещающее и в общей сложности, и в отдельных частях своих всемудрость и всеблагость Божию. Ясно, что каждый момент углубления в познание сущего должен здесь касаться всей глубины человеческого существа, интенсивно всё его вводя в процесс постижения Верховного Начала бытия, почему и самый метод познания сущего в форме созерцания является методом внутреннего постижения, исходящим как бы из всей глубины человеческого существа и от всей полноты одушевляющих его сил.

3. Область воли в жизни богозданного человека

Воля, понимаемая как стремление человеческого духа к деятельности, основанное на свободном выборе мотивов, в идеальной жизни богозданного человека также должна находиться совершенно в ином положении, чем в обычном нашем существовании. В обычном нашем существовании воля при выборе мотивов часто не имеет пред собою идеала непререкаемой ценности, т. е. такого высшего идеала, по которому могла бы располагать свои действия всегда по целям и основаниям абсолютного характера. Не имея идеального регулятора в мотивизации, воля поэтому является крайне неустойчивой, всегда колеблющейся и переменчивой. Внутренней двигающей силой ее обычно становятся себялюбие, эгоизм, инстинкты телесности.

а) Созерцание идеала непререкаемой ценности и действие по целям и основаниям абсолютного характера

В идеальной жизни богозданного человека каждое волевое стремление неизбежно находится в соприкосновении с основными, волнующими сердце переживаниями и здесь находит себе урегулирование. Здесь волевое стремление имеет пред собою идеал непререкаемой ценности — Бога, и мотивизация (выбор мотивов) совершается пред Лицем Божиим, в полноте волнующих сердце благодатных переживаний. Поэтому свободе человека представляется всегда легкая возможность избрания только того, что имеет характер абсолютной цели и покоится на абсолютном основании, т. е. только то, что вводит в Божественную жизнь и углубляет в проникновении в нее. Это сообщает волевым стремлениям

единство направления и постоянную определенную качественную ценность.

б) Обеспечение гармонии развития всех сторон человеческого духа

Через сообразование всех сторон душевной жизни с сердцем, покоящимся в Господе, создается возможность полной гармонии духовного развития человека. Основой этого развития является дыхание Божественной жизни, переливающейся в волнующееся ощущением Божества сердце. Само Божество, таким образом, как бы незримо, но постоянно ощутимо и властно руководит этим развитием, неизречно и таинственно возводя дух человека на высоту высшей ступени познания о Себе и углубляя проникновение человеческого духа в тайну Божественной жизни, раскрывающейся человеческому сердцу как полнота Божественной любви все создавшего любовию, о всем любовию промысляющего Бога. Указанная гармония жизни свидетельствовала о наличии в первозданном человеке того, что можно назвать цельностью (нераздельностью) его существа. Все силы человеческого духа находились в стройном единении между собой, и тело человека, не выступая из общей гармонии единства, было послушным орудием духа. Все дышало в человеке гармонией величавой цельности и единства, возводясь к Богу, покоясь и утверждаясь в Нем.

в) Значение свободы в жизни богозданного человека

Но это идеальное развитие человеческого духа, в силу присущей нашему духу свободы, может происходить только при свободном признании и избрании его человеком. Волевое стремление в сердце имеет переживание Идеала непререкаемой ценности, чем свободе облегчается избрание надлежащих целей и оснований жизни, но всякий раз означенное избрание совершается свободно, человеческий дух сохраняет свободу в выборе мотивов, и не кто-либо иной, а он сам сознательно и свободно избирает основания и цели, определяющие характер его деятельности.

От постоянного и долгого упражнения в надлежащем совершении этого выбора воля приобретает навык всегда действовать в идеальном направлении и неуклонно определять себя по идеалу непререкаемой ценности. Этот навык, с течением времени становясь как бы природой души, делает волю настолько укоренившейся в самоопределении по одному истинному идеалу, что для нее становится психически невозможным избрание иного самоопределения и уклонение в какую-либо сторону от того, к чему она долгим упражнением навыкла.

Понятно, это есть крайне желанная и необходимая ступень развития человеческой свободы в целях обеспечения человеческому духу непрестанного и непресекающегося богоподобного развития. Пока нет указанного навыка, нет и уверенности в том, что самоопределение души пребудет достоподобным и неизменным. Хотя бы фактически все условия для подобного самоопределения были налицо, но за свободой, до твердого навыка ее в следовании определенному пути, остается возможность избрания иного самоопределения, а потому мыслится возможность остановки и отклонения от идеальной жизни.

4. Заповедь как необходимое средство для приобретения навыка к достоподобному самоопределению

Итак, сообразование свободной воли человека с волей Божией, понимаемой как закон, как норма богоподобного развития для богозданного человека, было облегчено (до крайности), но чтобы это сообразование сделалось устойчивым и неизменным, стало своего рода неотъемлемой природой, внутренней потребностью и постоянной нормой самоопределения духа, необходим навык, достигаемый упражнением в ис-

полнении воли Божией. Необходимость указанного упражнения в исполнении воли Божией требует иметь особое средство, побуждающее дух человека всегда находиться в этом упражнении, постулирует к своего рода категорическому императиву, или повелению, могущему служить средством к приобретению желательного навыка. Этим средством является заповедь Божия, определенное Божественное повеление, нормирующее деятельность человека и в этом смысле являющееся для него категорическим императивом. Заповедь Божия, именно, является тем единственным средством, которое вызывает в человеке постоянное упражнение воли в самоопределении, тем единственным путем, который может создать в богозданном человеке навык к идеальному (достодолжному) самоопределению и это самоопределение сделать устойчивым достоянием и неизменной природой души. Поэтому заповедь Божия как единственно возможное средство, определяющее собою прогресс нормального развития богозданного человека в первичных условиях жизни этого человека, становится существенно необходимой. Без нее нет постоянного упражнения в самоопределении, без постоянного упражнения невозможно приобретение навыка, а без навыка нет устойчивого и неизменного самоопределения. Таким образом, наличие заповеди, единственно обуславливающей возможность идеального прогресса в человеческом духе, должно быть принимаемо за специальное водительство Божие, за неизбежные нормы и средства в жизни богозданного человека.

а) Характер заповеди: заповедь положительная
и заповедь отрицательная

По своему содержанию заповедь Божия должна, конечно, прежде всего определять положительный характер человеческой деятельности, указывать человеку, живущему в мире, его отношения и обязанности к окружающему миру. Положительная заповедь, нормируя жизнь богозданного человека, определяет одну сторону в порядке самоопределения воли. Она определяет сумму действий, согласных с волей Божией, устанавливает порядок положительной жизни. Через упражнение в этом порядке приобретается навык свою волю вводить в волю Божественную, утверждаться в исполнении достодолжного, самоопределяться положительно.

Но при наличии указанного положительного порядка действий в душе человека, в его свободе всегда возможны отрицательные инстанции (проявления) самоопределения в сторону отрицания исполнения заповеданной положительной деятельности. Поэтому свободе человеческого духа требуется не только упражнение в навыке положительным инстанциям (к исполнению положительной заповеди), но и упражнение к преодолению инстанций отрицательных — того, чего не должно делать. Если должна быть заповедь, определяющая порядок положительных действий, то, в целях навыковения человека к преодолению отрицательных инстанций, должна быть заповедь запретительного характера, категорически запрещающая некоторый определенный порядок действий.

Эта заповедь так же необходима, как и первая. И не только необходима, но она важнее и нужнее первой. Возможность отрицательных инстанций, предполагаемая самым фактом человеческой свободы, есть такой акт человеческой воли, когда она самоопределяется не в Боге и не по Богу — Идеалу непререкаемой ценности, а в себе самой и по идеалу иному. Подобный акт влечет за собой изменение всего благодатного порядка жизни богозданного человека. Понятно, что этот возможный акт может быть предотвращен только достаточным навыком свободы отметить отрицательные инстанции, а это достигается наличием заповеди прещения. Положительная заповедь не создает указанного, столь не-

обходимого навыка и не обучает предопределению отрицательных инстанций.

б) Наибольшая трудность исполнения запретительной заповеди

Будучи столь важной и необходимой, заповедь прещения для человеческой свободы искусительнее и труднее для исполнения. При исполнении положительной заповеди всегда налицо живая творческая деятельность духа; человеческий дух видит пред собой плоды своих трудов, убеждается на каждом шагу в благом характере и направлении заповеданной ему деятельности; это не только облегчает, но делает радостным исполнение заповеди. Заповедь положительная, таким образом, носит в себе самой стимул к ее исполнению, что в волящем духе развивает стремление к неуклонному ее осуществлению. В запретительной заповеди, наоборот, слышится только абсолютный голос прещения со стороны чужой воли. Результаты этого прещения не видны и следствия неисполнения (противления) до момента фактического нарушения не ощутимы. Здесь все, поэтому, покоится на доверии безусловному авторитету, заповедавшей личности, почему запретительная заповедь является более трудной для человеческой свободы, требующей от нас безусловной и в некотором смысле безотчетной преданности чужой воле. Вместе с тем, вследствие указанных трудностей в исполнении, запретительная заповедь является более искусительной для нарушения. Достаточно появиться в сознании свободного мыслящего духа малейшей тени сомнения в действительном (положительном) значении заповеди, как становится возможным колебание воли и нежелательный уклон ее в сторону ложного самоопределения, несущего гибель богозданному человеку. Таким образом, поскольку необходимее и нужнее заповедь прещения, как единственное средство к навыку преодоления отрицательных инстанций в идеальном развитии человеческой свободы, постольку она труднее для исполнения и, что особенно важно, искусительнее для свободы. Если положительная заповедь, образно выражаясь, сама в себе носит броню защиты, то заповедь прещения лишена всякой подобной брони.

в) Райские заповеди

В исторических первичных условиях жизни богозданного человека мы видим наличие заповеди того и другого характера: заповедь положительную и заповедь запретительную. В назначении указанных заповедей Божественное Промышление строго соотнобразуется с характерными свойствами (природой) каждой заповеди. И если в качестве положительной заповеди Оно предписывает возделывать и хранить рай, т. е. иметь владычественную заботу о созданном Богом и отданном во владение человеку окружающем его мире, то заповедь прещения касалась только невкушения плода с одного лишь всего дерева в раю⁴.

5. Полнота условий для богоподобной жизни

Так благим Божественным Промышлением дана была полнота условий для богоподобного развития человеческого духа. Была дана полнота условий для идеального развития всех сторон человеческой души, и эти условия соотнобразованы и применены к характеру и свойству

⁴ Вследствие этого указанное дерево получило характерное название «дерева познания добра и зла». Пока человеческая свобода покорялась Божью прещению, древо было для человека только древом познания добра, т. е. средством познания блага и покорности Богу, средством укрепления человеческой воли в соотнобразовании с волей Божией. С момента нарушения заповеди оно стало для человека уже древом познания добра и зла, как ставшее средством к раскрытию в человеческой свободе отрицательной инстанции, т. е. ложного направления жизни, простирающейся на плоды одного лишь дерева и требующей немного усилий воли для исполнения.

отдельных сторон человеческого духа и всех их вместе, в совокупности взятых.

Таким образом, человек, созданный по образу Божию, оказывается в условиях жизни, вполне способствующих осуществлению цели его бытия, т. е. развитию богоподобных свойств его духа, осуществлению в своей жизни подобия Божия. Осуществление в жизни подобия Божия должно было постепенно проявляться в большем и большем раскрытии богоподобных свойств человеческого духа, т. е. в постепенно углубляющемся расширении области человеческого познания, в его стремлении ко всеведению и познанию окружающего как одеяния Божией славы и Божией любви, в постепенно углубляющемся расширении мощи человеческой воли, в ее стремлении ко всемогуществу при хранении и возделывании рая, т. е. при культивировании мира во славу Божию. Но так как все это развитие богоподобных свойств человеческого духа покоилось на быющем полнотою богообщения сердце, то оно должно было служить могучим средством к большему и большему усовершеннию в любви Божией и вместе с тем к большему углублению в преданности Богу человеческой воли и человеческого сердца, т. е. к утверждению этого сердца в глубине смирения и богоугождения. Все это свидетельствует о том, что первозданный человек, как утверждает то и преподобный Макарий Египетский, пребывал в раю в состоянии обожения. «Адам с Богом пребывал в раю». Это состояние обожения, имея в виду общий ход идеального человеческого развития, должно было постепенно все более и более углубляться, вместе с тем все более и более должны были укореняться чрез утверждение в Боге единство и целостность человеческого существа, гармоничное действие всех духовно-телесных сил человека⁵.

Применительно к святоотеческому пониманию должно считать первозданного человека также находящимся в состоянии созерцания, когда «ум первоначально чистый созерцал Владыку своего». Человек в Боге созерцал окружающий мир и себя самого, а также в мире и себе самом зрел Бога в Его Божественных свойствах. Само Божество он ощущал близким к себе, зрел Его живущим в своем сердце, опознавая Его как любящего Отца и своего Творца, а себя в чувстве глубочайшего смирения считал Его сыном. Так создавалась возвышенная полнота жизни, не пребывающая в состоянии застоя или замкнутого покоя, но постоянно прогрессирующая и углубляющаяся в единственном Богообщении и Богопознании.

Указанная полнота жизни печатлелась величавой гармонией единства и целостности всего человеческого существа, постоянно утверждающегося в Боге. Все духовно-телесные силы человека действовали в полной гармонии между собой, оживляясь духом человека, находящегося в единении с Божеством. Идеальное состояние богозданного человека в области просвещения ума его можно видеть из того, что богозданный человек созерцал порядок, возникновение и строение окружающего его бытия в таких возвышенных и истинных формах⁶, до которых естественнаучная человеческая мысль крупными своими знаниями доходит лишь через многие тысячелетия. (Разумею согласие естественнаучной мысли с Библией в области, например, порядка возникновения жизни на земле.) Первозданному человеку ясна была идея единства человеческого рода. Первозданному человеку было ясно его господствующее положение в мире, его назначение не только охранять богатство окружающего бытия — своего наследия, но и культивировать мир в целях наилучшего обладания дарованным богатством. В богатство мира первозданный человек проникал так глубоко, что

⁵ См. то же у преп. Нила Синайского. Добротолюбие, т. II, с. 245.

⁶ Быт. I, 1—25.

проникал сущность вещей в их различении между собой и мог давать им имена. Себя он мыслил двусоставным по природе, духовно-телесным существом; в духе своем он видел образ и подобие Божие, телесность считал образованной из земли и потому долженствующей быть служебным орудием духа. Воля первозданного человека настолько стремилась к послушанию воле Божией, что не хотела даже прикасаться к тому дереву, плоды с которого было запрещено вкушать Господом⁷. Все это указывало на высокое блаженное состояние первозданного человека, на его действительное сыновство у Бога в полноте сыновних чувств преданности, любви и смиренного послушания, в залоге полного обладания для всестороннего развития и господства над дарованным ему наследством — окружающим его бытием. Образ Божий в человеке находился в состоянии действенного, постоянно углубляющегося богоуподобления. «Человек был подобием Божиим» (преподобный Макарий Египетский).

а) Отсутствие у человека причин к нарушению условий идеальной жизни

При так созданных первичных исторических условиях жизни богоданного человека в нем самом, в глубине его существа, в свободе духа не могло быть места для выявления отрицательных инстанций, т. е. для нарушения воли Божией. Эти инстанции пребывали в свободе человеческого духа как потенциально возможные, но не могло быть места для их фактического выявления и действительного обнаружения, так как в духе человека не было ничего такого, что могло бы побудить к нарушению воли Божией. Не было той исходной точки, откуда могла бы развиваться нить основания для появления непокорности, свисться в устойчивый клубок ложного самоопределения и выявиться фактически как стремление и действительное нарушение воли Божией и как выход из установленных Богом норм жизни. Все окружающее говорило только о любви и величии Божиим, все было в полной гармонии между собой. Исполнение положительной заповеди о хранении и возделывании рая, постоянно возводя все силы человеческого духа к Виновнику всего сущего и Творцу всего бытия, преисполняло сердце благодатными излияниями любви к Создателю и чрез это вызывало еще большие токи Божественной благодати, более интенсивную и глубокую проникновенность Божеством, живое, умное чувство Божества и постижение Его. При таком сосредоточении первозданного человека в Боге легким и совершенно незаметным представлялось ему исполнение заповеди прещения, так как ничто не возбуждало человеческого дух против заповеди, а, наоборот, все Божие являлось благим и желанным. По преподобному Макарию Египетскому, прародители до преступления «были облечены Божией славой, ... и Адам с Богом пребывал в раю... В Адаме пребывало Слово, и имел он в себе Духа Божия... Ум, первоначально чистый, ... созерцал Владыку своего, и Адам, пребывая в чистоте, царствовал над своими помыслами и блаженствовал, покрываемый Божественною славою. Само пребывающее в нем Слово было для него всем: и веле-нием, и ощущением блаженства, и наследием, и учением»⁸.

Должно полагать, что в указанных условиях жизни нарушение заповеди прещения становилось совершенно невозможным. Пока предметами содержания жизни первозданного человека являлись Бог и окружающий мир, возводящий душу только к Богу, не оказывалось материала в содержании жизни души, который бы мог послужить пищей (основанием) для возникновения непокорности. Возможность непослушания или ложного самоопределения оставалась, таким образом, потенциальной — как возможность, а не как действительность, причем и эта

⁷ Быт. 1, 26.

⁸ Добротолюбие, т. 1, с. 161.

(потенциальная) возможность с течением времени при постоянном преодолении ее свободой духа в исполнении заповеди прещения должна была, в силу образовавшегося навыка, как бы совершенно исчезнуть, превратившись из возможности действительной в своего рода возможность только мыслимую, как бы предполагаемую, когда безусловное исполнение воли Божией стало бы природной, абсолютной нормой жизни богозданного человека.

6. Сторонний фактор как единственная причина возможности возникновения ложного самоопределения

Очевидно, действительная возможность отрицательной инстанции ложного самоопределения человеческого духа в указанных условиях жизни становилась мыслимой только чрез вмешательство какого-либо иного фактора, чуждого самой душе и вверенному ее попечению окружающему миру. Этот фактор должен был обладать способностью дать первозданному человеку материал, могущий повести его к ложному самоопределению, могущий положить в нем начало таким нитям переживаний, которые бы пошли в совершенный разрез с доселе наполняющим его душу содержанием, вызвали бы в ней переоценку ценностей и закончились бы нарушением воли Божией — выявлением отрицательной инстанции, недолжным самоопределением.

а) Характер стороннего фактора

Дальнейший анализ нам может уяснить отличительные признаки и свойства того стороннего фактора, который мог бы содействовать вызову недолжного самоопределения в свободе человеческого духа. Прежде всего следует отметить тот факт, обуславливаемый свободой богозданного человека, что сторонний фактор мог только создавать обстановку для выявления ложного самоопределения, способствовать его возникновению, но не мог быть действительным создателем его. За свободой человеческого духа всегда остается право выбора, право принятия и непринятия предлагаемого. Следовательно, деятельность стороннего фактора не могла простирается далее создания обстановки для вызова ложного самоопределения, т. е. создания внешних условий, внешних побудительных причин, склоняющих человеческую свободу к нарушению Божией воли. Принятие мотивов, ведущих к недолжному самоопределению, лежит всецело в свободе человеческого духа; оно может быть только свободным актом богозданного человека и, как акт свободы, вменяемо душе, т. е. с момента принятия человек становится ответственным за него.

Так как мотивы являются исходной точкой в образовании процесса самоопределения воли, то, очевидно, на создании, на вызове этих мотивов и могла быть только ближайшим образом сосредоточена деятельность внешнего фактора в его стремлении склонить первозданного человека к нарушению Божией воли.

б) Личность как необходимая черта стороннего фактора

Кто же мог быть творцом подобных мотивов? Как мы видели, их не мог создать сам первозданный человек ни из созерцания окружающего мира, ни из глубины собственного творческого самосознания, ни тем более из полноты тех таинственно-благодатных переживаний, которые непосредственно вливались в душу в ее умном чувстве Божества. Ни мир, ни человек, ни Бог при выяснившемся для нас процессе духовной жизни богозданного человека не могли служить материалом для образования мотивов к недолжному самоопределению воли, эти мотивы не могли быть порождены и творчески созданы самосознанием человека, так как в наличных переживаниях его души совершенно не было условий для самой возможности возникновения указанных мотивов; душа человека

стояла выше этих мотивов и была чужда им. Они могли, следовательно, явиться только извне как нечто совершенно готовое, как созданное помимо первозданного человека, вне сферы его душевного содержания. Иначе говоря, они могли быть достоянием только другого какого-нибудь личного бытия, коим и могли быть введены в содержание сознания первозданного человека, внушены ему. Иного пути для проникновения указанных мотивов в сознание человека не представлялось. Только другое личное бытие, имевшее в содержании своего сознания ряд мотивов, ведущих к недолжному самоопределению воли, могло дать их путем того или иного сообщения сознанию человека, ввести в это сознание тот могивочный материал, который, будучи принят самосознанием первозданного человека, мог развиться в нем в более конкретные и определенные формы и создать недолжный тип самоопределения воли. Таким образом, внешний фактор, содействующий образованию в первозданном человеке недолжного самоопределения воли, мог быть только свободно-разумной личностью.

в) Ложь и боговраждебность — характерные свойства стороннего личного фактора

Так как сосредоточием жизни для богозданного человека являлось Божество, на Котором сконцентрировались все душевные переживания и в ком находила направление для своего самоопределения воля, то, очевидно, нарушение воли Божией (нежелательный уклон человеческой воли) могло быть вызвано только превратным в сознании человека представлением о Боге.

Божество всем содержанием душевной жизни воспринималось как благое, полное любви к человеку. Для уничтожения означенного представления требовалось внушить противоположное понятие, представить Бога существом противоположных качеств. Но подобное извращение понятия о благом Существе является по своему характеру ложью, и в свободно-разумном существе может быть мыслимо лишь при враждебности его к Богу. Неизбежность наличия этих качеств в факторе, содействующем выявлению недолжного самоопределения в человеке, свидетельствует, что отличительным свойством свободно-разумной природы данного фактора была ложь на основе боговраждебности, облекаемая при ее практическом выявлении в клевету на Бога.

Побудительной причиной, влекущей это существо на вызов у первозданного человека недолжного самоопределения, могла быть только зависть к его благодатному положению и стремление сблизить человека со свойствами и качествами своего боговраждебного существа. Таким образом, фактическая возможность недолжного самоопределения человеческой воли и нарушения воли Божией обуславливается существованием и злонамеренной деятельностью особой свободно-разумной личности, враждебной Богу, лживой и завистливой по своей природе⁹.

Б. ВЫХОД БОГОЗДАННОГО ЧЕЛОВЕКА ИЗ ИДЕАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ

1. Анализ исторического искушения первозданной четы

Анализируя библейское искушение первозданной четы, мы действительно видим в нем участие боговраждебной личности, пользующейся ложью как основным средством воздействия.

⁹ Наличие подобной свободно-разумной личности можно мыслить следующим образом. Она может быть только творением Бога. Поэтому, как Божие создание, она в первое время должна была существовать в полноте благодатной жизни по приобщению к Божеству. По своей психической конструкции она должна быть высшей природы, чем человек, иметь одну духовную сущность и потому носить в себе самой свойство непосредственного восприятия и усвоения Божественной жизни и непосред-

а) Всеяние в сознание прародителей ложного познания

Искушение открывается лживым вопросом о содержании заповеди Божией: «Правда ли, что Бог запретил вкушать от всякого древа в раю?» Боговраждебной личностью для опыта вызова в первозданном человеке мотивов, могущих повести за собой недолжное самоопределение воли, выбиралась заповедь прещения; это, образно выражаясь, наиболее уязвимое место в содержании сознания богозданного человека. Здесь удобнее всего было забросить мотивы сомнения и легче всего было надеяться, что заброшенные мотивы дадут желанные последствия. Когда первая ложь искушителя на Бога была отвергнута женой и указано надлежащее содержание Божией заповеди, последовала вторая ложь с клеветой: «Знает Бог, что в день, в который вкусите их (плоды древа познания добра и зла), откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Этими словами Божество представлялось враждебным человеку, и человек прельщался возможностью стать в себе самом в полноте ведения добра и зла. Таким образом, были всеяны в сознание жены мотивы, могущие при своем развитии повести к недолжному самоопределению воли. Раз появились эти мотивы, далее свободе предоставлялось право принять их или отвергнуть. Они могли быть тотчас же отринуты свободой, по ясным основаниям одного только блага, доселе получаемого человеком от Бога. Ложное утверждение боговраждебной личности могло быть легко опровергнуто указанием на неизменно переживаемую благодать Божию, тогда искушение оказалось бы не достигшим цели и преодоление его было бы большим утверждением в достойном самоопределении. Будучи преодоленным, оно, ознакомив с характером действий искушителя, послужило бы ограждением от него на будущее время и таким образом явилось бы для свободы человека тем средством, которое обеспечивало бы первозданному человеку опытный путь преодоления отрицательных инстанций (ложных уклонов свободы) и укрепляло бы его в неуклонном прогрессивном развитии. Но, как известно из библейского повествования, случилось нечто иное.

б) Принятие всеянных дьяволом мотивов

Всеянное со стороны боговраждебной личности не было тотчас же отринуто и выброшено женой из ее сознания, а принято с доверчивостью и оценено само по себе, вне отношения к тому, что волновало доселе сердце благодатными переживаниями.

в) Процесс познания в сфере автономной оценки

Совершился впервые акт познания в совершенно новой концепции (связи) — не через отнесение полученного сознанием материала к Богу и опознание его истинной ценности и существа в Нем, как Источнике всего сущего, а путем, так сказать, автономной оценки, но не в порядке какого-либо обсуждения, а по необдуманной простой доверчивости, в порядке обольщения.

Таким образом, процесс познания оказался оторванным от своего высшего регулятора и замкнутым в самосознании человека. Теперь, вследствие этой перемены, происшедшей под влиянием обольщения, дре-

ственного самоопределения. Свойство непосредственного самоопределения делает для свободы этого существа возможным выявление отрицательной инстанции, свободное отпадение от Бога. Но тогда, лишись истины, эта духовная природа становится ложью, и в отношении к первозданному человеку она могла проявлять, по побуждениям враждебности к Богу и зависти к людям, только стремление низвести его до себя и оторгнуть от Бога (Ис. 14, 13—14; Добролюбие, т. II, с. 17). Должно мыслить это существо высшим в ряду прочих созданий Бога. Первенством среди прочих созданий объясняется возможность его восстания против Бога. При ином положении оно могло стремиться только к тому, чтобы сравняться или стать выше того, кто находится впереди его (Добролюбие, т. II, с. 82—83).

во познания добра и зла уже воспринимается самосознанием Евы не в отношении к Богу, а в своей особенности, как нечто отдельное, самостоятельное существующее, имеющее ценность в себе самом, в своем роде, как бы самодовлеющее, а потому могущее быть само по себе средством для достижения определенных целей.

г) Оторванность человека от Бога в процессе познания

Оторвавшись в процессе своего познания окружающего мира от высшего регулятора, человек тем самым оторвал себя от Бога.

д) Изменение одновидности познания сущего во множественность

То, что раньше при множественности представлений быстро синтезировалось и объединялось высшим объединением в Боге, теперь должно было предстать сознанию человека во всей своей необозримой множественности, причем каждый индивид этой множественности претендовал на автономию и независимость. Так единое и простое, в смысле одновидности опознания всего сущего, человеческое познание как бы неизбежно делилось на многообразие отдельных представлений, на многомыслие вместо единомыслия, на «помыслы многи» вместо синтеза всего в Едином. «Со времени преступления Адамова,—прекрасно выражается преподобный Макарий Египетский,—душевные помыслы отторглись от любви Божией, рассеялись в веке сем и смешались с помыслами вещественными и земными»¹⁰. В таком именно смысле понимает многовидность человеческого познания в его настоящем положении святой Григорий Синаит и другие святые отцы.

Память человека, точнее, содержание его сознания до грехопадения было одновидно и просто и покоилось оно (синтезировалось) на памятовании Бога. Чрез преступление Адама в содержание сознания была внесена сложность и разнообразие вместо простоты и единственности. Каждый из предметов познания, становясь самодовлеющим, вызывал представление о себе не синтезирующееся в Боге, а пребывающее само по себе, в своей особенности. Отсюда множественность разнообразных представлений и понятий, бесконечно разнообразящиеся помыслы в сознании человека и вся беспорядочная сложность человеческого познания. «Начало помыслов и причина (их заключается),—говорит святой Григорий Синаит,—в разделении преступлением человека единовидной и простой памяти, которая чрез сие потеряла и Божию память и, сделавшись из простой сложною и из единовидной разнообразною, стала губима своим собственными силами»¹¹. (Отсюда, по святому Григорию Синаиту, врачевание происшедшего недуга должно заключаться в возвращении человеческого сознания к древней простоте, что совершается чрез восстановление действием молитвы утверждающейся постоянной памяти Божией.) В указанном изменении человеческого познания, благодаря греху, лежит причина крушения человеческого ума, скитание его туда и сюда, особенно ошутимое, когда кто-либо начинает понуждать себя на сосредоточенную в Господе молитву. Глубочайшая причина такого крушения заключается в утрате душею умного чувства Бога. «Когда,—говорит святой Григорий Синаит,—чрез преступление заповедей отделились мы от Бога, тогда потеряли единение с Ним и погубили в чувстве умное Его чувство. Поползнувший таким образом всюду водится, как пленник»¹².

е) Восприятие сердцем красоты дерева самого по себе

За первой оторванностью от Бога в области познания должна была последовать коренная перемена и во всех прочих областях душевной

¹⁰ Добротолюбие, т. I, с. 166.

¹¹ Там же, т. V, с. 207.

¹² Там же, с. 236.

жизни первоизданного человека. Образ дерева познания добра и зла, ранее воспринимаемый в Боге, через призму заповеди прещения, теперь воспринятый в своей особенности, как самостоятельный предмет, могущий своими плодами дать человеку высшее благо, вызывает новые, своеобразные волнения в душе Евы. Плод, доселе не привлекающий особого внимания, теперь кажется красивым на вид и приятным на вкус; это — ответ сердца, забывшегося новым волнением. Так складывалась, как формировалась совершенно особая жизнь самосознания, оторванная от Бога, замкнутая в сферу личных человеческих переживаний. Созревали условия для решимости на преслушание. Преступная решимость могла быть, однако, преодолена, и начавшийся круг замкнутых личных, вне Бога происходящих переживаний свободой разума мог еще быть направлен в обратную сторону.

ж) Возникновение вожделения в области воли

Но вот плод становится вожделенным, желательным для вкушения, как дающий нечто возвышающее для обожения. Этот последний мотив, принятый обольщенным сознанием, склонил человеческую свободу на преступную решимость: плод был вкушен Евой, дан Адаму, и нарушение заповеди совершилось.

2. Сущность грехопадения прародителей

а) Ложное самоопределение — утрата единения с Богом

С формальной стороны сущность грехопадения прародителей заключалась в ложном самоопределении. Если раньше человек самоопределялся во всем в полной гармонии и в соответствии с волей Божией, всецело свою волю и свободу вводя в волю Божию, в послушание этой высшей воле, то теперь он самоопределился сам в себе, вне отношения к Богу и Божией воле, он проявил свою волю, несогласную с волей Божией. Но, будучи таковым с формальной стороны, грехопадение, как нам ясно из предшествующего анализа жизни богозданного человека, в корне изменило всю жизнь прародителей. Ведь человек все свое благобытие, все гармоничное развитие богоподобных свойств своего духа получал от Бога, от переливающейся в его душу Божественной жизни, что являлось непресекающимся актом его самосознания, при достойном определении воли. В этом постоянном приобщении богозданного человека к Божественной жизни заключался залог его нормального развития и истинного обожения. Теперь же человек пожелал найти обожение и достичь идеала своего бытия вне Бога и поверил в возможность получения этого обожения через вкушение запретного плода. Он, таким образом, внутренне разрывал единение с Богом как Источником благодатных сил, надеясь в себе самом найти силы, развивающие и обожаящие его, и притом — через получение этих сил от вещей внешнего мира. Но так как указанных сил в действительности нигде, кроме Самого Носителя их — Бога, не было, то ясно, что человек, самоопределившись в себе, замкнувшись в себе, преслушанием выйдя из единения с Богом и устранившись чрез это от развивающих и обожаящих его благодатных сил, оказался не имеющим ничего и предоставленным самому себе, своим слабым, немощным силам. Через разрыв единения прекратился приток Божественной жизни, и человек «отпал от древа жизни, т. е. от любви Божией», как говорит преподобный Исаак Сирин¹³. Таким печальным оказалось для человека принятие диавольского обольщения и самоопределение вне Бога. Оно выражало собой разрыв единения с Богом и отпадение от любви Божией.

¹³ Творения преподобного Исаака Сирина. Сергиев Посад, 1911, с. 397.

б) Возможность раскаяния и отсутствие его

Опознав свое убожество, человек мог бы раскаяться в совершённом им нарушении заповеди и просить у всеблагого Бога прощения. Через это раскаяние в содеянном и несомненное получение прощения от Бога человек мог бы восстановить нарушенное равновесие и начать прежний порядок Богом установленной жизни. Оpoznать совершённое как недолжное и просить прощения у Господа было в свободе человека, и, если бы он сделал это, то падение по обольщению не только было бы погружено в бездну Божественного милосердия, но и стало бы навсегда опытно изведанным средством предостережения на будущее время. Таким образом, печальный сам по себе факт падения, при восстановлении достоподобного самоопределения, в неисчерпаемой глубине Божественного милосердия претворился бы в доброе средство человеческого исправления и охранения.

Но раскаяние у павшей первозданной четы отсутствовало, и изменения в самоопределении по отношению к Богу не последовало. Богозданная чета как бы уже забыла о Божией любви к ней, все время неисчерпаемо изливаемой. Бог в ее сознании является не Богом любви, а Богом страха и кары. Свет истинного познания о Боге меркнет. Человек не только не спешит просить прощения, но, наоборот, стремится скрыться от Лица Божия и через это еще глубже замыкается в себя и удаляется от Бога. Бог зовет его к Себе; человек ссылается на ложные причины, препятствующие показаться Всевидцу. Ясно, что он мыслит и чувствует себя в своей самозамкнутости и отдалении от Бога, он живет продолжающимся процессом самоопределения в себе и вне Бога. Бог для него уже внешний объект, а не внутреннее, живое содержание душевной жизни. Человек обличен Богом в нарушении заповеди, обличен нежно и кротко. Этим Господь снова простирал к человеку милосердие Своего всепрощения. Ибо стоило человеку только признать свою вину перед Богом и просить с воплем о прощении, он встал бы с токами Божественной жизни в сердце. Но процесс ложного самоопределения продолжался. Он более вкоренился в своей самозамкнутости и выражался уже явным протестом против Бога. Вместо того, чтобы сознать свою вину перед Богом, Адам ссылается на жену, данную ему Богом, т. е. готов считать виновником своего падения Самого Бога, а жена ссылается на обольстившего ее змия. Таким образом, раскаяния не произошло, прощение не было испрошено, и идеальный порядок Богом установленной жизни не восстановился. Человек остался в состоянии своего ложного самоопределения: переворота в содержании его душевной жизни не совершилось, и жизнь эта как бы закаменела в состоянии самоутверждения.

3. Следствия грехопадения

1) Неизбежное изменение внешних условий жизни

Со своим новым душевным содержанием, ясно, первозданная чета не могла уже жить в прежних условиях внешней жизни. Ей становятся тягостными эти условия, она стремится сама уже уйти из них, сшив себе лиственные опоясания и пытаясь скрыться от Лица Божия, а затем и выводится из них Богом с предварительным указанием тех тяжелых последствий, какие повлекло за собой преслушание воли Божией, и тех новых будущих условий жизни, в которых делается возможным свободе падшего человека снова вернуться к идеальным нормам бытия.

Мы видели быстро развивавшиеся печальные последствия человеческого преслушания Божией заповеди. В них, как в зерне, заключалось последующее развитие человека по пути (в сторону) уклонения его от идеальной жизни.

а) Чувство страха и удаление от Бога

Божество, доселе воспринимаемое как благая полнота внутренней жизни, теперь стало восприниматься как внешний объект и, как таковой, возбуждает уже в сердце не волнение любви, а чувство страха. Это чувство страха мучительно для человека, он трепещет Бога, пытается скрыться от Лица Божия. Так Божество, еще столь недавно полное любви и благодати, становится для сердца грозным Божеством страха и мучения. При поступательном развитии следствий грехопадения, по неизбежным законам психической жизни, это Божество сознанием человека будет все более и более удаляться от человеческого сердца, человек все более и более будет стремиться скрыться от Лица истинного Бога и станет создавать себе ложные кумиры, более доступные изменившемуся его внутреннему существу. Только как слабый проблеск, как отголосок чего-то далекого от человека останется в нем, в глубине его существа таящееся сознание о Боге благом¹⁵, и нужно особое водительство Божие, чтобы это сознание поддерживалось в избранной части людей и формировалось в надлежащие нормы религиозной жизни, подготавливающие условия для будущего обновления человечества.

Утерав жизнь богообщения, человеческое сердце начинает жить мимолетными волнениями от окружающих впечатлений. Это пестрый kaleidoscope хаотических волнений, трудно поддающихся какому-либо учету; он характеризуется стремлением иметь большую сумму волнений приятных и избегать, по возможности, волнений неприятных. Но на пути к такому стремлению встает изменившаяся в отношении к человеку природа, произрастающая ему терния и волчцы, требующая тяжелого труда над собой при добывании пропитания. Труд добывания пищи и земных благ усугубляется жестокой борьбой человеческих эгоизмов. Вместе с тем сердце, лишенное истинного блага, извращается в самом понимании того, что есть истинное благо, и влечется на удовлетворение низших потребностей и чувств. Так создается буря человеческих страстей, крайняя хаотичность сердечных волнений, жалкая погоня за тенью ложно понимаемого блаженства и — как результат всего — внутреннего неудовлетворенности всем окружающим и тоска по возвышенному, неведомому, но инстинктивно чувствуемому надземному идеалу.

Когда сердце утратило постоянное ощущение Божества как Источника жизни и всего сущего, потеряло Бога как внутреннюю полноту своего существа, ясно, резко должен был измениться и процесс челове-

¹⁵ У всех народов земли, на какой бы степени культурного развития они ни стояли, наряду с преобладающим представлением о Божестве страшном и грозном, требующем умилостивительных, часто кровавых, жертв, имеется, хотя бы в слабой и тусклой форме, представление о Божестве благом, Которое обычно мыслится крайне удаленным от земли.

ческого познания. Раньше всё являвшееся предметом познания сносилось в глубину сердца и здесь находило качественную ценность и высший синтез. Теперь сердце перестало быть этим синтезирующим и качественно определяющим содержание познания центром, так как само было пусто от высоких переживаний, не имея опоры и упокоения в Боге. Наоборот, оно само готово было скорее подчиняться в своих волнениях получаемому от области познания материалу. Утеряв высший Источник и Регулятор своих переживаний, сердце лишилось своего облагораживающего, превалирующего значения в жизни человека и стало влиять на содержание внутренней жизни сообразно с качествами тех навыков, которые оно могло усвоить в новых условиях существования.

а) Обособленность предметов познания

Вследствие утраты качественно определяющего и синтезирующего содержание знания высшего Регулятора все отдельные предметы познания, что мы уже заметили выше, как бы обособились, получили некоторую автономию и самостоятельность. Становясь содержанием человеческого сознания, они начинают познаваться не через высший синтез в отношении к Виновнику всего сущего, а в своей обособленности, в некоторой отрешенности и самостоятельности. Процесс познания стал всецело ограничиваться процессом соотношения различных элементов и процессов познания. Сущее познается через соотношение со всем разнородным содержанием самосознания.

б) Подавленность грудой предметов познания

Благодаря этому человек оказывается подавленным чрезмерною грудой вливающихся в его сознание предметов познания. Он запутывается в лабиринте представлений. Каждый из предметов познания, по единству человеческой природы, оказывает то или иное влияние на область сердца, возбуждая в нем чувство приятного и неприятного. Но разбираться в образующемся калейдоскопе содержания познания и волнений чувств приходится теперь уже одному человеку в своей замкнутости. И он, в полной беспомощности отдать ясный отчет в массе переживаемых им сердечных волнений, обуреваемый наиболее сильными и властными из них. Эти волнения в свою очередь, завладев содержанием сознания, начинают влиять на характер познавательной деятельности, ввергая чрез это ее в еще большую хаотичность. Некоторые из определенных сердечных волнений приобретают устойчивость и своей интенсивностью кладут соответствующий отпечаток на всю жизнь человека, дают общий тон данной индивидуальности, но это чаще всего влечет за собой еще худшую беспорядочность внутренней жизни.

в) Погружение познания в окружающее бытие и затеривание в нём

Сосредоточившись своим познанием на окружающем бытии в его раздельности и множественности, вне синтеза в общем Начале бытия, человек все более и более как бы погружается своими познаниями в это окружающее бытие и затеривается в нем, перестает отличать себя от него и как бы смешивается с ним. Идея о высшем Начале бытия и о своем владычественном положении в мире все более и более тускнеет в сознании, вспыхивая иногда ярче в наиболее одаренных индивидуальностях, обычно же едва-едва мерцая во мраке оземленившихся человеческих переживаний. При поступательном (последующем) развитии человека из новых основ его духовного содержания в массе человечества должно было совершенно утратиться истинное понятие о Боге, о самом человеке и окружающем мире¹⁶.

¹⁶ Лишь при особом водительстве Божиим у еврейского народа хранилось истинное учение о Божественном Откровении, но оно имело свою целью подготовку будущего воссоздания человечества.

г) Искажение понятия о Боге

Мы уже наблюдали печальные стадии в изменении понятия о Боге, видели, как ощущаемое в безгрешном состоянии всею полнотою внутреннего бытия понятие о Боге любви и всякого блага сменялось представлением о Боге страха и кары. В дальнейшем понятие о Боге, по мере погружения человеческого сознания в окружающий мир, продолжало все более и более изменяться. В человечестве всегда оставалось сознание, вернее, инстинктивное ощущение высшей Силы, живущей в мире, но оно эту Силу начинает видеть уже не в особом Премирном Существом — Творце всего сущего, а в окружающем человека бытии, в том, что поражало его удивлением и страхом. Отсюда развилось поклонение предметам видимого мира, обоготворение усопших предков и даже обожествление живых людей. Так допущенная в грехопадении ложная идея, что материальный предмет (плод дерева) может служить средством духовного возвеличения, создавала в человечестве, при наследственном развитии этой идеи, рабство внешнему бытию, предметы которого были возведены до степени божеского почитания.

д) Искажение понятия о человеке и изменение положения человека в мире

Такому же грубому извращению подверглось понятие о человеке. Когда человек, этот венец Божия творения, предназначенный ко владычеству над тварным бытием, допустил в своем самосознании восторжествовать идее, что вещь тварного мира может послужить средством к его безмерно высокому духовному величию, он тем самым вверг себя в рабство окружающему бытию. Не он, а это бытие теперь стало как бы господствовать над ним, давить его своей громадой и лишь при кровавых усилиях и потах человеческих трудов уступило ему право на сравнительно сносное земное существование. Но, уступая право на существование, оно стережет каждое движение, каждую поступь ноги своего бывшего властелина и за малейшую человеческую неосторожность платит жестоким ударом болезни, смерти и всякого зла. Как бы человек ни сопротивлялся природе, как бы путем неимоверных усилий ни пытался вернуть утраченное господство над ней, достигая этого в незначительных дозах, он не может победить смерти и неизбежно телесною половиною своего существа возвращается в материальный мир. Унизив себя до зависимости от вещей мира теоретически, т. е. идейно признав над собой их силу, и практически, т. е. подпавши влиянию окружающего бытия, человек стал смешивать себя с этим окружающим бытием и притом настолько, что некоторые человеческие племена стали считать себя в родстве с животным миром и от него вели свое происхождение (тотемизм). Так принятое ложное познание в своем поступательном (дальнейшем) движении развратило дух человека, затмило истинное представление о положении человека в мире и о его подлинной природе, высокою назначении и целях земного существования. Оно смешало человека с окружающим его низшим бытием, рабствовало в нем и сделало рабом его, с трудом — и то на определенное только время — отбивающим у тленного мира недолгие годы своей жизни.

е) Искажение понятия о мире

При коренном изменении понятия о Боге и человеке, естественно, у человечества существенным образом должно было измениться и понятие об окружающем мире, и сам этот мир стал для человека совершенно иным, чем был раньше. Если раньше мир воспринимался как одеяние славы Божией, во всех частях отражающим Виночника своего бытия и в совокупности своей возводящим дух человека к прославлению

нию Божества, то теперь, воспринимаемый сам по себе, в своей отрешенности от Бога, он предстал перед сознанием человека как неразрешимая загадка, как то необъятное целое, которое давило его своей громадой, побуждало совокупность мирового бытия понимать как само божество (пантеизм) и приучало видеть проявления этого божества в наиболее поразительных и непонятных явлениях мировой жизни (натуралистические религии, шаманизм). Здесь также ясно видно поступательное развитие воспринятого в грехопадении ложного познания, что вещь тварного мира может обожествить человека. Коренным образом изменившееся у человека познание о Боге, себе самом и окружающем мире, развиваясь все далее и далее в указанном направлении, в конце концов запутывало человека в лабиринте противоречий, приводило его к тупику и заставляло опознавать бессмыслицу своей жизни в данных формах существования. Ненормальными усилиями мысли, в труде бесчисленных поколений человечество в лице своих наиболее гениальных представителей находило иногда крупинцы истины, но эти крупинцы, во-первых, были ничтожны, во-вторых, они терялись в массе всеобщего бессмыслия тупика жизни.

4) Область воли

а) Погружение воли в хаотическую борьбу мотивов и беспомощность ее

Воля как стремление человека к определенному ряду действий, принимаемых познанием и нашедших симпатию в сердце, при происшедшей коренной перемене в человеческом существе также оказалась в ненормальных условиях для своего проявления. Если раньше в своем самоопределении она имела перед собой определенный идеал, находящий полное соответствие в мысли и сердце, то теперь эта определенность исчезла. Замкнутая в себя самое, не самоопределяющаяся по Богу, человеческая личность оказалась в лабиринте всевозможных противоречивых восприятий познания и склонностей сердца. Это ввергло волю в хаотичную борьбу мотивов и обессиливало ее до совершенной беспомощности вести одну определенную линию в жизни, тем более добиваться неуклонно какого-либо высшего идеала. Все более и более погружаясь в тленный мир, человек влекся своей беспомощной волей далее и далее в глубину омирщения. Высшие интересы духа меркли, преобладающее положение занимала телесно-животная жизнь, и воля рабски служила кумиру человеческих страстей, возводимых теперь познанием иногда даже к ряду добродетелей.

б) Самоутверждение как греховная природа воли

Впервые воля ложно самоопределилась, имея мотив самообожествления человека. Иллюзия самообожествления разрешилась в самообман, но самоопределение по идеалу человеческой самости, по самоутверждению (во имя личного я, а не Бога) осталось, и оно вошло в природу человечества как наследственный, принимаемый за действительно-истинный и (даже) единственно возможный способ и образ самоопределения. Греховной природой воли стало самоутверждение личности в своей исключительности, в некоторых областях жизни иногда расширяемое до семьи, рода и племени. Иными словами, природой личности, поскольку она выражается в самоопределении воли, стало человеческое себялюбие, эгоизм, человеческая гордыня. Этот образ самоопределения вел человеческие воли к неизбежным столкновениям, к борьбе между собой, вызывая кровавую ненависть, постоянную войну одного против другого и светлый Божий мир превращал в исчадие ада, в арену злобы, насилий и всякого зла.

Так воля, самоопределившись в себе, а не в Боге, оказалась неволь-

ницей в своих собственных тисках и вместо деятельности, направленной на облагораживание и возвышение жизни, на господство над миром и развитие идеальных сторон человеческого духа, оказалась разрушительницей богозданного порядка, созидательницей зла и несчастий, виновницей своего собственного ада, создаваемого ею из Божьего блаженного бытия.

В наиболее просветленных человеческих сознаниях воля могла возвышаться до некоторых благородных порывов, могла упражняться в так называемых античных добродетелях, но стать выше идеала самоутверждения, выйти из рамок эгоизма как нормы жизни человеческая личность не могла, и воля человеческая поэтому оказалась бессильной встать снова на путь достойного самоопределения и затягивала человека все глубже и глубже в бездонные пропасти эгоизма.

Таким образом, духовное существо человека изменилось во всех своих основных областях, всюдунося заразу разложения своих собственных сил и способностей, все более и более углубляющуюся и разлагающую духовный организм человека.

5) Аномалия телесного состава человека

При таком положении духовного организма человека, естественно, не могло быть гармоничного развития и телесного состава его. Человек утерять всеоживляющую его Божию силу, утратил жившего в нем Источника жизни. Вследствие этой утраты тело оказалось оживляемым одним духовным организмом человека, организмом, носящим в себе самом заразу разложения и всякой беспорядочности и в силу этого никак не могущим достойным образом оживать тело, развивать и сохранять его жизнь. Дух человека неизбежно должен был вносить разлад в свой телесный состав и нарушать гармонию его развития.

В то же время окружающий мир, выйдя из повиновения человеку, стал врагом его тела. Результатом всего этого явилась болезненность телесного состава, постепенное расстройство его сил и, наконец, совершенное разложение на свои составные элементы через неизбежный факт смерти, т. е. превращение (возвращение) в землю, из которой был создан человек.

Наряду с этим телесный состав человека, предназначенный быть органом души и служебным орудием в ее идеальном развитии, при расстройстве сил духа оказался сам влияющим на душу, заставляющим ее увлекаться телесными инстинктами, удовлетворять им в большей, чем нужно, степени и тем способствовать их чрезмерному развитию. Это увлекает дух в телесные страсти и делает его рабом своего тела, жалким исполнителем его низменных страстей, рабом того, что само должно быть послушным орудием духа в его жизни.

6) Общее ненормальное состояние человека в новых условиях его жизни

Проанализировав положение человека при новых условиях его жизни, в главных областях его духовно-телесного состава, мы видим, что место богозданного человека заняло как бы совершенно новое существо, в котором с трудом можно отыскать следы преждебывшего благоустройства всех сторон духовно-телесной природы. Первозданный человек, лишившись в сердце высшего Регулятора жизни, потерял цельность своего существа и оказался раздираемым бесконечными противоречиями своей болезнующей природы. Вместо прежнего величавого единства всех своих сил в Боге он теперь как бы разделен на ряд постоянно враждующих и борющихся между собой частей; плоть и дух его стали взаимно похотствовать друг на друга. Эгоизм, несущий с собой неизбежную борьбу людей между собой, сделался второй природой человеческой личности. Области познания, сердца и воли потеряли

возможность к гармоничному развитию и всю душевную жизнь человека ввергли в состояние некоторой постоянной неуравновешенности и общей хаотичности. Телесный состав, перестав быть послушным орудием духа, увлек человека в низменные телесные страсти, а сам оказался подверженным тлению и смерти. Все это привело к тому, что человеку, при полном расстройстве духовно-телесных сил, предстояло владеть временное земное существование вместо прежней идеальной, в полноте таинственного Богообщения развивающейся вечной жизни. Ему предстояло владеть жизнью, при которой всеянное в его душу зло развивалось все более и более, тем самым постепенно изживало само себя, т. е. ярче и ярче выявляло свое бессмыслие и отсутствие права на существование.

7) Отношение человека к виновнику его падения — рабство диаволу

Если теперь мы попытаемся рассмотреть создавшееся направление человеческой жизни в отношении к виновнику человеческого падения, к той злой силе, которая вовлекла человека в преслушание воли Божией, то это отношение определится весьма характерно. Во всей своей самоутверждающей деятельности, совершаемой якобы по личному произволению и инициативе своей (собственной) свободной воли, человек в существе дела творил волю той боговраждебной силы, которая толкнула его впервые на путь преслушания. Вся деятельность человека, вся жизнь человечества, поскольку она опиралась на человеческое самоутверждение и шла вне согласия с волей Божией, являлась продолжением и большим развитием того первого настроения, которое было внушено первозданной чете боговраждебной личностью, дальнейшим бессознательным исполнением воли этой личности и отображением ее природы.

Здесь человек снова оказывался в роковом самообмане. Он, стремившийся через материальный предмет достичь полноты Божественного ведения и сил, оказался не только в тяжелой зависимости от материи, но еще в более тягчайшем рабстве своему искустителю. Это рабство тем более было тяжким, что оно, бессознательно, наследственно усваиваемое природой человека, в создавшихся условиях жизни становилось нормальным явлением бытия. Человек в нем рождался, в нем возрастал и действовал, в нем и умирал, оставляя его, в силу наследственного прогресса, в большем и тягчайшем виде потомству. Получался тот порочный круг, из которого в существующих условиях жизни не было выхода, и рабство боговраждебной силе казалось непреодолимым вовеки.

Чаще всего это рабство было для человека бессознательным актом его душевной деятельности, особенно в обычных житейских делах и в обычных людских взаимоотношениях. Но подобная бессознательность не всегда была уделом его жизни. Жизнь давила человека своим злом. Он видел его угрожающим себе со всех сторон и инстинктивно верил, что за этим злом скрывается особый деятель как причина его. Вера человека часто была очень наивна; она воплощалась в курьезных для здравого смысла образах, но эта вера таила в себе несомненное зерно истины. Она убеждала человека в том, что над ним тяготеет зависимость и рабство злой силы, что эта сила врождена человеку и мучит его. Но человеку трудно бороться с ней. Он бессилен перед ней. Ему остается умилять эту силу жертвами и мольбами. Очень ярко мучительство человека со стороны злой силы опознается в религиозном сознании шаманизма — этого низшей формы религиозного сознания, которым обычно живет человечество на низших ступенях своего культурного развития. Как знаменательны, поэтому, слова апостола: «Языцы жрут бесом, а не Богови». Таким образом человек, однажды подчинившись внушению искустителя, оказался через это подчинение по-

стоянным рабом его. Захватив власть над человеком, искуситель стал властелином деятельности всего человечества, миродержателем тьмы века сего и как бы господином и князем земного мира, поскольку этот земной мир включает в себя человеческую деятельность и человеческие взаимоотношения.

4. Невозможность изменения в естественном порядке создавшихся условий жизни

Создавшиеся условия жизни в естественном порядке являлись для человека неизменными. Сам он был не в силах изменить установившийся порядок жизни. Вначале, когда путем раскаяния это изменение вполне было возможно, человек сам не пожелал изменения и остался нераскаянным. Впоследствии же, когда изменения, вошедшие в природу человека, сделались наследственными и когда они оказали свое пагубное влияние на все мировое бытие, человечество, если бы и пожелало, что было совершенно немисливо для всей его массы, было бессильно в самом себе изменить то, что стало второю природою его существа. Тем более это было бессильно что-либо исправить в тех изменениях, которые, по связи с падением человека, произошли в окружающей его жизни. Отдельные личности могли возвышаться до сознания общей ненормальности, но средств к освобождению от нее у них не было, и человеку с окружающим миром в создавшихся условиях жизни предстояла юдоль безысходной туги и воздыхания. Требовалось коренное изменение условий бытия и человеческой жизни, чтобы сделать снова возможным существование человека в идеальных нормах его богоподобного развития¹⁷.

а) Невозможность существенного изменения отношений человека к Богу

Надо было существенным образом изменить отношение человека к высшему Началу его жизни, произвести коренной переворот во всем направлении человеческого самосознания и во всей вообще внутренней человеческой жизни. Для этого не только было необходимо усвоить человеку истинное понятие о Боге и воспринять его всем своим внутренним существом в живое сознание своей личности, но и коренным образом изменить все стороны своей душевной деятельности, наследственно пораженные заразой греха и действующие в направлении, противоположном богоустановленным нормам развития; иначе сказать, необходимо полное обновление, полное возрождение, как бы воссоздание человеческого существа, чтобы оно могло начать жить по идеальным нормам жизни.

б) Невозможность преодоления тления и смерти

Но этим достигалось бы только частичное восстановление норм идеальной жизни. Телесный состав человека, ослабленный и надломленный ненормальностью духа, ставший смертным в своем существе, требовал также полного изменения в своей тленной организации на организм, способный к непрестанной, вечной жизни, ибо вечная, неумирающая жизнь, как образ и подобие живого Бога, является одной из богоустановленных норм идеального развития, утерянной человеком

¹⁷ Властительство искусителя не исключает Божественного Промышления и управления миром. Оно в данном случае должно быть рассматриваемо как особый вид Промышления, именуемый Божиим попустительством и являющийся в руках Божиих также средством Промышления о мире и управления им. Здесь создается возможность злу до конца обнаружить свою сущность, свою подлинную природу, выявиться в своей полноте и исчерпаться до дна в своей бесценности, бессмысленности, несущественности и ложном притязании на право бытия. Этим зло фактически определяется в своей сущности как ничтожество и небытие.

через подчинение себя материальному миру и диаволу. Подобное изменение тления на нетление необходимо, чтобы восстановилась гармония богоподобного развития, но ясно, что оно невозможно при существующих условиях человеческой жизни и мыслимо для человека в условиях иной жизни через нарочитое вмешательство в создание этих условий фактора высшей Божеской силы и мощи.

в) Невозможность изменения существующего мира

Необходимость изменения тленного состава человеческого тела на нетленный само собой говорит и об изменении общих условий мировой жизни как среды, где должно обитать духовно и телесно обновленное человечество. Мировое бытие, тяготеющее мириадами последствий от вторжения в него богопротивной человеческой свободы и общими последствиями человеческого падения, мир, во зле лежащий и ставший (вследствие этого) ареной действий злого начала, не может вмещать в себе человека, обновленного по духу и вечного по бытию в нетленном теле. Мир должен измениться, чтобы стать средой жизни, соответствующей новым условиям существования того, для кого он был создан и кем должен был быть возводим к совершенству.

5. а) *Необходимость Божия участия в создании условий для восстановления идеального развития человека*

Ясно, что без осуществления указанных условий невозможно восстановление идеальных форм человеческого развития. Но ясно также и то, что создание этих условий лежит вне человеческой возможности. Условия эти могут быть созданы только непосредственным чрезвычайным участием Божества в жизни человечества. Так как здесь оказывается необходимым введение в мировую жизнь человечества таких факторов, которые совершенно отсутствуют в наличной действительности и которые, поэтому, должны быть созданы и вызваны к жизни вновь, то для выявления их потребна творческая сила Божия, нарочитое участие Божества как Творца и Создателя жизни. Таким образом, восстановление идеальных норм человеческого развития становится возможным лишь как дело нарочитого Божьего Промышления, почему оно от века входило в Божий план о бытии мира и всего сущего.

б) Возможность со стороны человека принять и усвоить Божие участие

Но если со стороны Божества необходимо нарочитое участие в жизни человечества для восстановления условий идеального человеческого развития, творческое создание новых, доселе не бывших факторов как средств, возрождающих пораженную заразой греха природу человека, то человек в своей растленной природе был ли в состоянии принять и усвоить предназначенные особые средства восстановления его искаленной природы, имелись ли в его душе условия для усвоения, для восприятия в свое существо нарочитого Божьего участия? Ведь падшая и изъявленная грехом духовно-телесная природа, мое «я», утратившее представление об идеальной жизни и бессильное к добру, должны были возродиться к новой жизни. Возникает вопрос, сохранилось ли в нашей падшей природе что-нибудь такое, на чем можно было бы строить воссоздание идеальной человеческой личности, способна ли была к воссозданию падшая человеческая природа?

Этот вопрос может быть разрешен на основании некоторых психологических соображений. Падение первоначальной четы произошло по общению извне; в душевном настроении богозданного человека — вне стороннего вмешательства — не было инициативы к сознательному отторжению от Бога и восстанию против Него. Падение, далее, произо-

шло вследствие ложно воспринятого убеждения в возможности личного обожествления через вещи материального мира. Хотя после падения и не произошло раскаяния, потому что не была осознана ложь самоутверждения, но человечеству предстояло опытом жизни постоянно убеждаться в тщетности избранного им пути, в бессилии создать гармонию жизни собственными силами. Результатом этого являлось сознание бессмыслия жизни, постоянное искание лучших и высших путей и смысла бытия, что служило бессознательным выражением запоздалого раскаяния, вызываемого опытом жизни и ее историй.

в) Жажда высшего идеала как база для восприятия вновь создаваемой гармонии жизни

Все это свидетельствовало, что в душе человечества оставалось инстинктивное ощущение высшего идеала, вытекающего из постоянной неудовлетворенности настоящим. Это инстинктивное ощущение высшего идеала и постоянное (чаще бессознательное) искание его, явившееся вследствие указанного нами характера падения, говорило о том, что в человеческой душе, пораженной и парализованной грехом, все-таки еще оставалось начертание образа Божия, инстинктивно и смутно ею еще чувствовались своя высшая идеальная природа и бытие высшего источника Начала. Таким образом, и после грехопадения первозданный человек сохранил, хотя и с повреждением, свою особую природу. «Грех, — по Макарию Великому, — примешался к душе, но у греха и у души остались свои, особые природы»¹⁸. Сохранение падшей человеческой природой некоторой части своего благородия особенно характерно засвидетельствовано святым апостолом Павлом в словах об язычниках, которые «не имущие закона, естеством законная творят... являют дело законное, написанное в сердцах своих» (Рим. 2, 14—15). Сознание должного осталось в падшем человечестве, и свидетельством этого сознания является голос человеческой совести.

Наличие означенных элементов в психике человечества могло служить той базой, на которой становилось допустимым воссоздание идеальной человеческой личности. Эти элементы, как зерно, могли пустить росток и развиться при благоприятных условиях. Из них возникали в особо одаренных личностях проблески высшего духовного сознания, которые, как светлые точки, светили миру Богооткровенными истинами в иудействе и через немногих философов в некоторой, слабой степени озаряли мрак язычества. Здесь таилась способность для человечества воспринять в свое существо нарочитое Божие Промышление о спасении мира, так как в человеческой душе потенциально сохранялась возможность к существенному изменению.

Человечеству мог быть раскрыт нарочитым образом истинный смысл бытия; человеческая душа, благодаря этому, могла понять основную ложь своей собственной жизни и устремиться к жизни по идеальным нормам своего бытия. Но она не могла бы осуществить такой жизни в действительности за неимением соответствующих к тому сил. Если бы эти силы оказались данными ей свыше, тогда стало бы возможным постепенное фактическое изменение всего строя ее внутренней жизни по началам и принципам идеального человеческого бытия. Таким образом для человека раскрывается возможность при помощи особых, благодатных сил, при наличии нарочитого Божьего Промышления, ставящего человеческую душу и все мировое бытие в условия нового существования и вводящего в мировую жизнь особые творческие факторы, начать благодатную жизнь по исконным принципам своего идеального бытия и восстановить свою падшую природу в идеальное состояние.

Так как человеческая личность свободна и сильно повреждена гре-

¹⁸ Добротолюбие, т. I, с. 172.

хом, то воссоздание ее природы, осуществляемое Божеством, должно совершаться, во-первых, при постоянном живом участии ее самой и, во-вторых, должно происходить со стороны человека в болезненном и трудном процессе уничтожения нажитого греховного ложного содержания жизни с заменой ее содержанием истинным. В этом случае мое именно «я», а не что-либо другое становится обновленным и одухотворенным существом.

г) Возможность полного удаления человека от Бога

Другое дело, если бы первозданная чета по собственной инициативе отпала от Бога, если бы у нее лично, вне стороннего участия, созрел и осуществился сознательный процесс восстания против Бога по стремлениям свободы выйти из подчинения Божественной воле и стать в равное положение с Богом. В духе, наделенном (личным) сознанием и свободой, такой процесс гордого самоутверждения потенциально возможен, хотя для возникновения его в жизни прародителей не было соответствующих условий. При наличии подобного процесса, когда самоутвердившийся свободный дух актом самого самоутверждения отпадает от Бога, содержанием его самосознания становится злоба как против Бога, равным Которому он пытался стать через самоутверждение, но оказался бессильным, так и против всего Богом установленного порядка миробития, неизвестного ему, поскольку этот миропорядок является обнаружением творческой воли Божества.

Означенное состояние злобы как настроение несомкнутого протеста, сделавшись устойчивым содержанием внутренней жизни, кладет некую абсолютную грань между Богом и замкнувшимся в озлобленное самоутверждение свободным духом. Озлобленное самоутверждение, занимая собой все поле сознания, не дает возможности понять всю допущенную ложь самоопределения вне Бога и не допускает до раскаяния в совершённом акте. Наоборот, чем более подобное озлобленное самоутверждение видит проявление Божия величия, чем более замечает торжество Богом установленного миропорядка, тем резче обостряется злоба, тем более увеличивается ненависть, тем сильнее возбуждается воля к противодействию, протесту и отрицанию всего, Богом устрояемого и создаваемого.

В душевном содержании падшей первозданной четы не было указанного состояния; оно было печальным достоянием ее искусителя. Не было этого состояния и в общей массе происшедшего от первозданной четы человечества. Но в душу прародителей искусителем клалась семена от плодов его духовного содержания. Эти семена в своей глубине потенциально заключали зародыши для развития того содержания душевной жизни, которое являлось природой самого искусителя. Свободная воля человека, способная развиваться в сторону Богоутверждения и в сторону самоутверждения, при постоянном поступательном движении по ложным путям самоопределения вне Бога может дойти до сознательного протеста против Бога, до чувства озлобления против своего Творца и застыть в состоянии этого озлобления, утвердиться и окрепнуть в нем настолько, что злоба против Бога станет постоянным настроением личного сознания, в своем роде характерным свойством и природой души. В этом случае человеческая душа по своему внутреннему содержанию станет приближаться к изображенному нами состоянию озлобленного самоутверждения и будет отображать в себе образ своего древнего искусителя.

Таким образом, в человеческой душе, в ее свободе и по грехопадению раскрываются две возможности: возможность восстановления идеальной жизни через нарочитое Божие участие и возможность полного удаления от Бога через впадение в состояние озлобленного самоутверждения.

Глава II. БОЖИЕ СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1. Богочеловечество

Мы уже отчасти видели раньше, в чем должно было проявиться нарочитое Божие участие в восстановлении идеальных норм Богом созданной человеческой жизни. Это Божие участие должно было заключаться не только в возведении человеку истинного понятия о Боге, самом человеке и окружающем мире, не только в новых творческих актах, потребных для восстановления идеальной жизни (теодиции жизни), но прежде всего и главным образом в создании условий, сближающих человека с Богом, делающих снова возможным вхождение в человеческое сердце Божественной силы, таинственное обитание Божества в душе человека. Человек мог получить истинное понятие о Боге, себе самом и окружающем мире, но это само по себе не изменило бы наследственно укоренившихся отношений человека к Богу. Человек всем своим существом сознавал себя отдаленным от Божества, каковым и был в самой действительности. Также и Божество, вследствие человеческой греховности, вследствие постоянно самоутверждающегося настроения (душевного содержания) человеческой личности, не могло быть в тесном единении с душой человека. Необходимо требовалось что-либо посредствующее между Богом в Его чистейшей духовной природе и человеком в его наличной духовной немощи. То Божество, Которое до нарушения идеальных норм человеческой жизни было в единении с человеком, теперь являлось для человеческого сознания как огонь поядоющий: Оно было нестерпимо, невыносимо для поврежденной, немощной человеческой природы. Для этой немощной природы возможно было понести Божество, возвышенная духовность Которого и нестерпимое для человеческой немощи величие были бы скрыты под формой, возможной (доступной) для человеческого восприятия. А этой формой мог быть только образ человека, как единственный нормальный вид общения. Таким образом, чтобы со стороны человека стало возможным его конкретное сближение с Божеством, необходимо было снисхождение Божества к человечеству в образе человека.

С другой стороны, Само Божество, спасающее человечество, восстанавливающее нормы идеальной жизни, должно было войти в единение с человеком, вселиться в человека, воспринять его через это как бы в свою Божескую Сущность и через это обновить и как бы вновь родить и создать человека телесно и духовно. Требовался как бы особый новый Родоначальник нового человечества, Второй Адам, в Котором Божество уже было бы соединено с человечеством и Который от Себя, поэтому, мог бы порождать чад, способных к таинственному Боговселению. Здесь мы снова приходим к сознанию необходимости, что для спасения человека требуется какое-то особое посредствующее начало, в котором бы физически было осуществлено особое, чрезвычайное ипостасное единение Божества с человеческой природой, и какое-то новое начало через себя могло бы духовно создавать человечество, благодатно обновленное духовно и телесно. Иначе говоря, нужен был Новый Адам, в Котором единение Божества и человечества как двух природ было бы недоступно разъединению, как случилось с Адамом первозданным. А это возможно только тогда, когда Божество становится человеком, т. е. принимает в Свою Божественную Сущность, в неслиянное и нераздельное единение природу человека. Таким образом, как со стороны человека, так и со стороны Божества путь к теснейшему сближению и таинственному благодатному единению между Богом и человеком и спасению человека лежит через Богочеловечество. Божество, снисходя к человеку и воспринимая человеческую плоть, всего вообще человека, кроме, конечно, греха, как несвойственного Богу, тем

самым вступает в ряды человеческого рода, становится Сыном Человеческим; и этим путем через Богочеловека создается единение (грешного) человека с Богом и Божества с человечеством. Богочеловек, как единственно возможный путь к восстановлению идеальных отношений между Богом и человеком, становится через это центром вселенной, собранием к Себе и в Себе всего спасаемого человечества. Он мыслится, поэтому, как Новый Адам, носящий в Себе все спасаемое человечество и вводящий его через Себя в лоно Божественной жизни, как то Божественное посредничество, которое устанавливает новую неразрывную связь Божества с человечеством. Это — Новый Адам, порождающий новое человечество.

2. Воплощение Сына Божия

Богочеловек, мыслимый как Божество, нисходящее к людям для восстановления идеальных норм человеческой жизни, возможен через воплощение Бога на земле, т. е. через принятие Богом естественной человеческой плоти, всего вообще действительного образа человеческого.

Так как восприятие Божеством человечества в процессе спасения человека является актом существенным, то оно не может быть призрачным, каким-либо наружным и кажущимся, а должно было совершиться самым действительным образом. Явление человека в мир происходит через рождение. Этим же образом должно было совершиться и воплощение Бога на земле. Но если обычное рождение от жены совершается через творчески формирующую силу мужа, то воплощение Бога должно было совершиться через непосредственную творческую формирующую силу Самого Бога — жизни Подателя, Святого Духа. Как таковое оно должно было произойти в чистом сосуде благодати, т. е. в ложах девственных, от души, нарочито на то уготованной. Этим путем рождаемое рождается полным по естеству человеком, но безгрешным, по человечеству не унаследовавши греховной скверны. Родившая же пребывает в той же чистоте девства и непорочности, в которой пребывала до рождения, как не знавшая образа греховного человеческого зачатия, а родившая благодатно от Духа Свята.

Так только мыслимо Богочеловечество для человеческой мысли, анализирующей пути восстановления идеальных норм жизни, и так в действительности совершилось (историческое) Воплощение Сына Божия, ознаменовавшее собою начало христианской эры как новой жизни на земле.

3. Новый Адам

Воплотившись, Христос Спаситель становится Новым Адамом человечества. В Себе Самом Он восстановил во всей полноте утраченный первозданным Адамом образ и подобие Божие, показав человечеству во время Своей жизни на земле все возвышенные черты и проявления этого образа в его действенном богоуподоблении. Таким образом, по преподобному Исааку Сирину, «Христос первоначально совершил обновление естества человеческого в Своей Ипостаси, возвратил и дал ему первую свободу»¹⁹. Во Христе являлся на землю истинный человек не только в существенности плоти и духа, но и во всей идеальной красоте и величии истинного человека как непоруганного образа и подобия Божия. Слова Пилата «Се Человек», которыми он, быть может, хотел осмеять политическую интригу еврейского правящего класса или вызвать сострадание к жертве этого класса у стоящего перед его трибуналом народа, на самом деле явились словами, указывающими на

¹⁹ Творения преп. Исаака Сирина, с. 269; см. также высказывание преп. Никиты Стифата — Добротолюбие, т. V, с. 150.

единого истинного Человека, когда-либо бывшего на земле, во всей полноте и идеальной возвышенности его истинной человечности, т. е. человечности в ее единении с Божеством и в гармоничном развитии всех ее духовно-телесных сил.

Но здесь истинный Человек — Христос был в то же время и истинным Богом. Первозданный Адам (до грехопадения) имел в своем сердце Бога по причастию к нему Божества; он имел прикосновение к себе Божества и вселение в него Бога постольку, поскольку сам стремился к единению с Богом через любящее Бога и преданное Ему сердце и поскольку Само Божество отвечало на стремление человека наитием на его сердце. Во Христе мы имеем ипостасное единение. Первозданный Адам за преслушание воли Божией лишается единения с Богом, во Христе — при ипостасном единении — подобному разрыву уже нет места. Во Христе человечество соединяется с Божеством навеки — неразрывно и нераздельно. Посему Христос является лучшим Адамом, в Котором совершилось никогда не оскудеваемое обновление человеческого естества. Человеческое естество во Христе, благодаря ипостасному единению Божества с человечеством, чуждо самой возможности греховной порчи и изобилует всей идеальной полнотой истинной человечности, без какой-либо возможности утраты ее. Об отсутствии в Себе греховной порчи Господь свидетельствовал Сам, взывая к ищущим уловить Его в чем-либо незаконном нудеям: «Кто из вас обличит Меня во грехе?!» Это же засвидетельствовало о Нем и человечество в лице Пилата, сказавшего пред всем народом: «Неповинен есмь в крови Праведника Сего».

Идеальная полнота истинной богоподобной человечности раскрылась во всеведении и во всемогуществе Христовом, когда Он по любви и состраданию к человечеству совершил величайшие дела милосердия и любви, проявляя власть над жизнью и смертью. Силу и власть совершать такие же дела и даже больше Он даровал Своим ученикам и всем истинно верующим в Него, показав тем самым, что это действительно были дела истинной человечности, что и удостоверили ученики Христовы самым совершением дел²⁰.

Древний искунитель, поработивший Адама, не мог получить власти над Сыном Человеческим, и все его стремления прельстить Христа на уклонение от идеала истинной человечности и подчинение себе разрешаются в ничто.

Сын Человеческий, как часто любил называть Себя Спаситель мира, создавал Себя Богом и Сыном Божиим в ипостасном смысле. О Нем как возлюбленном Сыне свидетельствовал Сам Отец Небесный. Христос был едино со Отцом по природе Своего Божества и по ипостасному единению с Его Божеством человечества. Для Него не могло существовать чего-либо ценного вне Отца и вне Отчего произволения. Истинная человечность в Нем утвердилась на незыблемой основе, и для предложений искуителя в ней не могло быть места, а могло быть со стороны ее лишь обличение тщетности этих предложений и их существенной лжи.

Но то же сознание Богосыновства, давая истинной человечности Христа победу над начальником зла, влекло эту человечность на глубочайшее смирение и преданность в волю Отцу, создавало в ней послушание Отцу даже до смерти, смерти же крестной. Ради этого послушания Сын Человеческий принял чашу крестных страданий и смерти как благую волю Отца. Послушание воле Отца печатлелось смертью, т. е. проявляло наивысшую степень совершенства, чуждую самой возможности каких-либо отклонений от идеала истинной человечности.

При полном послушании воле Отца восстанавливается цельность и

²⁰ См. Добротолюбие, т. III, с. 254—256.

единство истинной человечности, т. е. богоподобное, гармоническое состояние всех духовно-телесных сил человека, разрозненных грехом Адама, враждующих и борющихся между собою. Плоть Христова не похотствует на дух, но покорно служит и властно подчиняется ему как в сорокадневном посте, так и в прочих различных стеснениях по потребностям духа. Если иногда плоть во Христе как бы возвышает свой голос, как, например, у гроба Лазаря, при общей скорби окружающих, или при Голгофском «Жажду», то это были моменты не противоборства ее духу, а соответствия ему в глубочайшем чувстве любви и сострадающей человеческой скорби или в чувстве оставленности Богом Отцом, переживаемом Спасителем мира за усвояемое Себе и искупаемое Им человечество. Но и в этих моментах естественный голос телесности быстро преодолевался силой духа Христова как при гробе Лазаря в благодарственно-молитвенном гимне, так и на Кресте победным гласом предания духа Своего в «руце» Отчи.

В соотношениях духовных сил Христа также наблюдается полная гармония единства. Здесь нет разногласия между словом и делом, между выражением чувства и волевым устремлением, слово становится делом в момент его произнесения (как, например, во всех чудотворениях), и движение чувства сопровождается соответствующим ему волеустремлением (например, милосердие и последующее за ним исцеление). Но высшая полнота цельности и единства истинной человечности Христа заключалась не в гармоничном соотношении ее духовно-телесных сил, а в единстве духа Христова с духом Отчим. «Аз во Отце и Отец во Мне». Это единство было незыблемой основой цельности и единства истинной человечности Христа, и в нем человечность Христа возвышалась над всякой возможностью дисгармонии своих духовно-телесных сил, т. е. возможностью их разъединения, разрушения или тления. Единство во Отце созидает нетление, т. е. никогда не нарушающееся и не разрушающееся единство и цельность человечности. Что такое тление по своему существу? — Двойкий распад духовно-телесного организма. Дисгармония и распад духовных сил, враждующих между собой. В своем распаде эти силы, ослабленные взаимной враждой, теряют власть над телом и создают распад во плоти, делают ее похотствующей на дух и подверженной болезням, а затем влекут к конечной утрате связи с духом и разложению тела на свои составные элементы. Тот и другой распад представляют собою тление, т. е. постепенный процесс углубляющегося разложения первоначальной цельности и единства духовно-телесного организма. Результатом его является смерть, т. е. уничтожение духовно-телесного организма в определенной форме его существования и вступление в форму существования неполную и одностороннюю, чуждую истинной человечности. Основная причина тления и смерти лежит в утрате первоначальным человеком своего единения с Божеством, оживляющим дух человека и дающим ему возможность через единение с Собою держать в единстве и цельности весь свой духовно-телесный организм. Во Христе Адамово преходящее тление уступает место нетлению. Над такой человечностью смерть не может иметь своей власти. Она бессмертна в соприсущем ей Божестве. Она может только добровольно принять чашу временного подчинения человеческим страданиям и смерти, чтобы, преодолев их силой своей вечно неумирающей в Божестве жизни, сделать возможным нетление и бессмертие для людей, верою и любовью прививающихся к Источнику бессмертия. Озаренная Божеством, истинная человечность Христа светилась Божественной славой. Очерневшее грехом Адамово естество в истинной человечности Христа становилось естеством новым, неразлучным от славы Божества, озаряющим Своей славой и все соприкасающееся с Ним. Слава эта, в ее вещественном обнаружении, была сокрыта для сынов плоти, но она раскрылась чувственно на горе Преображения, осыпая

Илию и Моисея, а также и учеников Христовых — самовидцев Преображения. Завершительное прославление истинной человечности Христа совершилось в воскресении, в вознесении ее на небо и в сопосаждении одесную Бога Отца. Первозданный Адам до преслушания был покрываем только славою Божества, почему и не знал о своей наготе. Искупленный и обновленный Спасителем мира христианин на высотах духовного совершенства также достигает сияния ума своего и, по Григорию Синаиту, в этом состоянии зрит световидным все окружающее его бытие. Но первозданный Адам лишился Божественной славы, христианин достигает ее на земле относительно (в некой малой степени) и притом в редких и исключительных случаях. Во Христе она является природным достоянием Его истинной человечности, ипостасно соединенной с Божеством, и во Христе эта слава даруется в незыблемое и вечное достояние верующим в Него.

Так во Христе Иисусе во всей полноте восстанавливалась утерянная Адамом истинная человечность, венчаемая славой Божества, торжествующая над смертью вечным бессмертием. Так Христос первоначально в Своей Ипостаси совершил обновление человеческого естества и возвратил ему первую свободу, утерянную Адамом, как свободу, уже совершенно чуждую возможности обращения в несвободу, в сторону уклонения от идеала истинной жизни.

Совершив в Своей Ипостаси обновление человеческого естества, возвратив и даровав ему первую свободу, т. е. поставив его в состояние истинной богоподобной человечности, Сын Божий через все это и становится Новым и Лучшим Адамом, могущим по вере и любви к Нему порождать духовно новых чад, сообразных Его истинной человечности. Об этом новом духовном рождении Христос беседовал с Никодимом, но учитель израилев по своему плотскому разумению не мог понять возвышенной беседы. Впоследствии в многократных беседах с учениками и народом Христос подробно раскрыл все условия нового благодатного рождения в Нем и возвышения верующих в Него до стяжания «первой свободы». В содержание этих условий, кроме усвоения истинного учения о Боге, мире и человеке, крещения водою и Духом, входят, как неизбежное звено, страдания и крестная смерть Спасителя мира, столь мало понятные при жизни Христа даже Его постоянным ученикам. Но ближайшим условием для стяжания обновления являлась, конечно, со стороны человека жизнь, сообразная с природой обновления, т. е. с теми новыми началами жизни, которые теперь клались в основу земного существования. Это прежде всего было верование Евангелию, т. е. вера во Христа и Его проповедь об условиях и принципах новой благодатной жизни, всестороннее уразумение и усвоение этой жизни во Христе как жизни покаяния, т. е. отказа от греховных условий жизни самоутверждения и решительной перемены их, при вере во Христа и любви к Нему, на новые истинные человеческие идеалы. «Покайтесь и веруйте во Евангелие».

4. Раскрытие людям истинного мировоззрения через евангельское благовестие

Когда совершилось явление Богочеловека в мир, то воплотившийся Сын Божий раскрыл человечеству то истинное мировоззрение, которым человек должен руководиться в своей жизни, но которое было утрачено со времени грехопадения. Он указал на Бога как Отца людей, как Бога любви, пекущегося непрестанно о спасении человечества. Отсюда все люди в Божьем Отечестве мыслятся как единое братство, единое по естественной природе и по Божьему Отечеству. Поэтому разделение между людьми, называемое самообособлением человеческих личностей, и замыкание их в узкую сферу личного эгоизма есть нечто недолжное, привносимое, требующее осуждения и искоренения. При этом

единство людей в их множественности базируется на возвышеннейшем учении о Единстве Божества при Троичности Лиц: «Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут». Так, при раскрывшемся учении о Боге и человеке, вступает на место эгоизма закон любви как истинная норма жизни, причем любовь как нахождение в ближнем себя самого или подобного себе Божьего создания возвышается до полноты самоотвержения, и высшей формой ее проявления служит предание своей души за душу брата, другими словами, за Бога, эту душу создавшего и спасающего ее.

Окружающий мир теперь уже рассматривается не как древнее райское насаждение, повинующееся возделывающей руке человека, но как мир, поврежденный грехом, во зле лежащий, как арена действий и владычества злых сил, держащих в мучительном рабстве человека. Это — мир временный; он предназначен к разрушению и должен быть заменен новым небом и новой землей, приносившим к будущим новым условиям существования обновленного и поставленного в идеальные нормы жизни человечества. Князь мира сего, древний искуситель и обольститель, извержен будет вон, и наступит момент, когда владычество его над человеческим родом окончательно упразднится.

Как для человека возможно практически осуществить новый путь жизни? Путь этот может быть только путем болезненного внутреннего пересоздания всего содержания душевной жизни, так как человеку, наследственно живущему по законам эгоизма, только путем болезненного перелома можно фактически усвоить новую жизнь по закону любви к Богу и ближнему. С другой стороны, человек, начавший жить по закону любви к Богу и ближним, остается жить в эгоистическом греховном мире, среди враждебных всему доброму влияний злых духов. Поэтому окружающие люди, преимущественно же злобно-враждебные духи, неизбежно должны причинять такому человеку всевозможные озлобления, причем, конечно, целью зла будет стремление уничтожить существо, отрицающее зло и не желающее подчиниться его господству на земле. Таким образом, путь неизбежного страдания является единственно возможным и нормальным путем жизни по закону любви к Богу и людям в условиях настоящего земного существования.

5. Богочеловек как жертва

Этот же путь жизни должен был явиться неизбежным путем и жизни Богочеловека. Если Он не имел в Себе внутренней борьбы с грехом, как чуждый по Своей природе греховного начала, то, безусловно, придя на землю в сокровении Своего Божества, должен был во всей силе подвергнуться злобе греховного мира. Как существо необычайное на земле, стоящее выше обычных уставов человеческой жизни, не подчиняющееся совершенно влиянию злого начала, Богочеловек должен был испытать чрезвычайно ожесточенное нападение на Себя враждебной силы, высшее напряжение озлобления. Он должен был увидеть на Себе сосредоточие всего того днавольского соблазна и всего того страдания, какое только может быть причинено человеку князем мира сего и злобствующим по его воле человечеством. Здесь лежит источная причина изображенных в Евангелии чрезвычайных трех искушений Христа сатаной в пустыне, здесь же источное начало того, на первый взгляд непонятного, озлобления еврейского народа против Христа, творившего им только лишь одни благодеяния, в жизни Коего никто из них не мог указать ни одной подлинно теневой стороны.

Путь страданий — это единственно возможный и единственно нормальный путь жизни духовного возрождения, и он должен быть освящен как единственный таковой путь для человечества, желающего обновления жизни. Ведь страдание воспринимается человеческим созна-

нием как аномалия жизни, как нечто недолжное, чего надобно страшиться и всячески избегать. Теперь же требовалось признать страдание нормой земной жизни, и не только признать его таковым, но и возлюбить страдание и возжелать его всем своим существом как пути, единственно ведущего к жизни духовного обновления. Для этого человечеству необходимо было дать идеал восприятия жизненного страдания.

Но так как Богочеловек был не призрачным, а истинным человеком, принявшим на Себя человечество ради приведения его к Богу Отцу, то Божественное сердце Богочеловека любовью Своею вмещало в Себе все греховное человечество, болело всеми его скорбями, усвоило Себе, по всеобъемлющей любви самоотверженного сострадания, все то мучительство, всю ту бездну страдания и скорби, которыми был мучим за свое отступление от Бога грешный человеческий род. И в полноте этой всеобъемлющей любви сострадания Богочеловек воспринимал Сам путь земного страдания не только как неизбежный по условиям земного существования людей и не только как идеал для идущих по пути духовного возрождения, но прежде всего и главным образом как жертвенный подвиг Своего Божественного сострадания и милосердия к людям. Мы видим, что весь путь земной жизни Богочеловека, начиная с момента рождения в убогом вертепе, был сплошным путем вольного уничтожения и смирения. Если же в некоторые моменты Своей жизни Богочеловек являлся во славе, как, например, на горе Преображения или при торжественном входе в Иерусалим, — то это лишь были моменты как бы подготовительные к высшим ступеням вольного уничтожения, и нужны они были не для Самого Спасителя мира, а для Его учеников и окружающего народа. Злоба мира не видела этого вольного восприятия Креста уничтожения и страдания. Она думала, что сама влечет ненавистного ей Богочеловека на поругание, и изощряла все виды мучительства над невинным Божественным Страдальцем. В своем иступлении от бессилия склонить Богочеловека на подчинение себе она должна была увенчать Его венцом наивысшего человеческого страдания — насильственным отнятием жизни, и при этом в самой позорной и поносной форме тех времен. Но и это наивысшее проявление злобы воспринималось Богочеловеком как Его вольное страдание, а наибольшее напряжение этого вольного страдания в предсмертные минуты крестных мук и самое восприятие смерти являлись наивысшим моментом жертвенного подвига Спасителя мира и вместе с тем окончательным преодолением в Себе Самом для носимого в Божественном сердце и плоти человечества несокрушимого доселе властительства злобы над падшим человеческим родом; Божественный глас крестного Страдальца «Совершишася!» был гласом совершённого Богочеловеком спасения людей и окончания Им Своего земного жертвенного подвига за людей.

Совершение спасения людей приурочивается, таким образом, Самим Спасителем мира к моменту наивысшего напряжения Его жертвенного подвига, когда, с одной стороны, Им переживалась тревога предсмертных мук, а, с другой стороны, Его человеческая природа чувствовала оставленность Богом Отцем. Здесь в Лице Спасителя мира усвояемое Им Себе сострадательной любовью Богочеловеческого сердца все человечество переживало наивысшую ступень земного страдания, и это наивысшее напряжение земного страдания с последующей за сим телесной смертью было последним моментом жертвы искупления за грех человека перед судом Правды Божией, почему в завершение этого величайшего момента и раздалось Божественное «Совершишася!» Человечество в Лице Спасителя мира омылось жертвенной Кровью и предстало Богу Отцу искупленным, очищенным перед судом Правды Божией.

6. Тайна искупления

Мы подходим к тайне искупления, тайне существенной в деле нашего спасения, но более созерцаемой в благодатных плодах ее и трудно постигаемой в ее внутренней глубине, как и все вообще тайны Божьего домостроительства спасения человека.

Между грехом и карой за него, между преступлением и наказанием за него существует глубочайшая внутренняя связь. Возмездие за грех есть не внешний акт, могущий произвольно и в той или иной степени быть или не быть осуществленным, а внутренне выявляющаяся необходимость, неизбежно, онтологически вытекающее следствие из допущенной свободой человека аномалии жизни. Святой Марк Подвижник говорит: «Господь положил, чтобы за каждым делом — добрым или злым — приличное ему воздаяние следовало естественно, а не по особому назначению, как думают некоторые, не знающие духовного закона». Воля Божия установила определенные нормы жизни. Эти нормы жизни есть Правда Божия, законы Божии. Осуществление, исполнение их свободой человека дарует благобытие человеку, делает его праведным, поступающим по Правде Божией, чистым перед ней, не подлежащим суду ее. Нарушение их влечет за собой неизбежное страдание, делает человека нечистым, неправедным и создает как в совести человека, так и в онтологическом порядке жизни ответственность перед судом Правды Божией, т. е. влечет за собой неизбежную аномалию жизни. Страдание, таким образом, становится неизбежным следствием греха и естественною искупительною жертвою за грех, онтологически связанною с грехом, как следствие за допущенную свободой аномалию жизни. Но человеческое страдание за грех, хотя и является естественною искупительною жертвою за него, не в силах освободить человека от внутренне ощущаемой ответственности перед судом Правды Божией, ни тем более что-либо изменить в порядке онтологического следования страдания за ложное самоопределение человеческой свободы, ибо это страдание, как невольное по существу, постоянно свидетельствует лишь о наличии допущения аномалии жизни и тем самым, резко подчеркивая ее, постоянно влечет дух человека к сознанию своей ответственности перед судом Правды Божией и ко внутренне ощущаемой потребности в особой жертве умилоствления за грех; эта внутренняя потребность в умилоствлении через жертву настолько сильна в человечестве, что она создала сложный ритуал всевозможных жертвоприношений, включая сюда даже и кровавые человеческие жертвы. С другой стороны, наследственно передающийся грех все более и более развивается в человечестве. Каждое совершенное нравственное преступление влечет за собой онтологически неизбежное наказание и усугубление ответственности перед судом Правды Божией. По естественному ходу вещей такой порядок жизни должен идти в бесконечность. Онтологически вызываемая бездна страдания и глубина ответственности всего человечества перед судом Правды Божией становятся неизмеримыми и непредставимыми для сознания человека. Они наводят клятву на человечество, для снятия коей недостаточно никаких человеческих сил. Между тем, понести всю бездну страдания за грех — и в силу онтологической связи между грехом и страданием, и в силу тяготеющей над человечеством ответственности за грех — необходимо, так как этим только удовлетворяется Правда Божия, исчерпывается и утоляется глубина ответственности перед судом ее и снимается тяготеющее над человечеством проклятие, иначе будет оставаться ответственность за грех и не может чувствоваться оправдание перед Богом. Вот эту-то бездну человеческого страдания за грех, некогда допущенный Адамом, и за все его последствия в происшедшем от Адама человечестве и берет на Себя любовью Своего

сострадающего, усвояющего Себе все греховное человечество сердца Спаситель мира. Любовью Своего всесамоотверженного сердца Спаситель усвояет Себе, как бы заключает в Свое богочеловеческое сердце все человечество со всеми его немощами и скорбями и с этим, носимым в сердце человечеством совершает Свой крестный жертвенный путь. Он здесь не идеал, не образец страдания, а Сама живая Жертва за грех, Жертва за людей и вместо людей и в то же время Жертва от людей, так как все люди, все человечество всех времен усвоено любовью Богочеловеческому сердцу, все вмещено в этом сердце, как бы стало одно целое с ним, и Он с внутри воспринятым человечеством — в жертвенном подвиге Своей любви. Через такое восприятие Сыном Божиим в Свое Богочеловеческое сердце всего человечества и всего человеческого страдания за грех, во всех последствиях греха, происходит несение существенно связанного с грехом возмездия, т. е. страдания и кары, равных греху. Благодаря этому торжествует Правда Божия, ибо страданием Спасителя исчерпывается вся сумма страдания за грех человечества. Вместе с тем здесь совершается для человеческого сознания и преодоление ответственности перед судом Божественной Правды, так как искупление человека есть вольный жертвенный подвиг страдающей за нас и с нами в Своем сердце, неповинной в грехе и не требующей о Себе умилоствления Жертвы — Непорочного и Чистого Агнца, как такового, преодолевающего и бездну человеческого страдания за грех, и глубину ответственности за него перед судом Правды Божией. В этом принесении Спасителем мира всеумилоствляющей жертвы за грех лежит глубочайшее основание прощения грехов и невменение их верующим во Христа и прививающимся к Нему любовью своего сердца.

а) Крайности юридической и нравственной теории искупления

В данном истолковании жертвы искупления за грех мы совершенно отмежевываемся как от так называемой юридической теории тайны искупления, так и от теории, именуемой нравственной. В юридической теории, созданной западным мышлением, воспитавшимся в узких рамках римского юризма, дается внешнее истолкование тайны искупления, приближение ее к уму человека путем логических наведений, заимствованных из сферы греховных человеческих отношений, регулируемых таким же греховным человеческим разумом. По этой теории, Бог гневается на человека за совершенный им грех. Он оскорблен грехом человека. Для примирения с человеком Он требует жертвы умилоствления, равномерной оскорблению, причиненному грехом. Такой равномерной жертвой, примиряющей Бога с человеком, может быть только жертва Единородного Сына Божия. Все существенные черты этой теории построены на базе обычно практикующихся (греховных, себялюбивых) отношений между людьми и облечены в форму строгого юризма. Они несоизмеримы с понятием Бога любви, почему и вся юридическая теория истолкования тайны искупления, помещающаяся на страницах наших учебных руководств по Догматическому богословию, оставаясь достоянием ума, ничего не говорит христианскому сердцу.

Нравственная теория искупления, явившаяся в результате критики юридической теории и в противовес ей, как всякие вообще теории, выступающие в противовес другим теориям, сильна своей критикой юридической теории, оттенением неудачных сторон этой теории, но слаба положительным содержанием. Жертвенный подвиг Спасителя мира в ее устах — более показательный образец указуемой нам Христом жизни, чем существенным образом спасающая нас и необходимая для нашего спасения Голгофская жертва. Явившись как протест против юридического понимания жертвы искупления, эта теория проявила естествен-

ную для духа критицизма тенденцию к умалению искупительного значения Голгофской жертвы и некоторому обезличению этой всемирной жертвы, к недостаточному выявлению ее существенной необходимости и неизбежности в процессе спасения людей, как процессе восстановления Богом установленных норм идеальной человеческой жизни. Мы в предлагаемом истолковании тайны искупления, вмещающем в себе в прямом их значении в святоотеческом понимании все изречения Священного Писания, касающиеся этой неизреченной тайны, старались из анализа внутренней природы греха и средств его преодоления выяснить существенную необходимость жертвы искупления за грех, называемую онтологическими (природными) законами бытия как нормами Богом установленной жизни.

По нормам Богом установленной жизни грех, являясь нарушением этих норм, несет соответствующее данному нарушению страдание и влечет человечество в неисчерпаемую бездну скорби, которая при постоянно продолжающемся грехе является, в силу этого, бесконечной и неуничтожимой. Сын Божий любовью Своего Богочеловеческого сердца вмещает в Себе все человечество и Божественным состраданием усваивает Себе всю неисчерпаемую бездну человеческого страдания за грех, которое завершается высшим напряжением душевных и телесных мук и самою смертью Богочеловека на Голгофе.

В этом вольном восприятии любовью Богочеловеческого сердца человеческого страдания за грех Сын Божий как Новый Адам, вмещающий в Себе все человечество, является живою Жертвою, действительным Искуплением, требуемым (вызываемым) Богом установленными нормами жизни, не жертвой юридического возмездия или кары, а жертвой самоотверженной Божественной любви, не жертвой, (притом) нужной Богу для умиловления Его разгневанного Правосудия, а жертвой, нужной для людей, неизбежной по онтологическим законам бытия и необходимой для снятия с совести людей тяготеющей над их сознанием ответственности перед судом Правды Божией, чтобы сделать людей оправданными и дерзновенными перед Лицом Божиим. Отныне во Христе каждый верующий, прививаясь ко Христу верою и любовью и становясь через это как бы единым с Ним, подобно ветви на лозе, получает оправдание перед Лицом Божиим и прощение согрешений, так как делается причастником благих последствий всемирной Голгофской жертвы Спасителя мира. При совершении этой жертвы верующий, как член человечества, вмещался в Богочеловеческом, сострадающем всему человечеству, сердце. Теперь ему через веру и любовь вменяется искупление человеческого греха и примирение во Христе человека с Богом.

б) Правда Божия в жертвенном подвиге Сына Божия — предопределение пределов земного страдания и смерти

Физическое страдание Спасителя мира было только частью Его жертвенного подвига. Глубочайшие муки этого подвига заключались в страдании нравственном, в муках любви сострадания, усваивающей себе всю полноту греховной немощи человечества — этого наследия Адамова преступления. Любовь сострадания переводит содержание страждущей души в сердце сострадающего. Совершается великое таинство восприятия другой души. Душа воспринимается со всей ее немощью, со всей полнотой ее страдания, и страдание ее становится страданием души сострадающей. Но душа страждущая редко видит всю свою немощь и весь ужас своего страдания. Когда она больна прельщающим ее грехом, то грех, хотя и заставляет страдать совесть, но приятен и обольстителен для души. Он, поэтому, скрывает от страждущей души всю бездну настоящего причиняемого ей страдания, всю пагубность последствий своего совершения и дает ощущать толь-

ко часть страдания через угрызение совести, а иногда совершенно ослепляет ум и несет его вихрем безотчетной улады или создавшимся навыком в пропасть падения.

Состраждающая душа видит все, происходящее с душою, страждущей грехом, и скорбь ее за погибающую душу достигает высшей меры страдания. Это страдание любви состраждающей во много раз превосходит страдание самой души падающей. Оно мучительнее всех физических страданий, так как уязвляет сердце в самой глубине его существа. Поэтому страдание состраждающей любви мучительнее всех земных страданий.

Богочеловеческое сердце Спасителя мира любовью сострадания воспринимало все страждущее грехом человечество, усваивало Себе всю его немощь, всю ту бездну страдания, которая стала уделом человечества со времени начала греха. Как сердце Богочеловеческое, оно сострадало во всей полноте этого страдания и во всей глубине скорби об утраченной через грех благодатной жизни. Оно, вследствие этого, болело болью немощного человечества во много раз мучительнее, чем ощущало эту боль и эти страдания само греховное человечество. Здесь раскрывается тайна кровавого пота в Гефсимании и Голгофского «Жажду». Это были моменты наивысшего напряжения внутренних мук любви сострадания, усваивающей себе пределы человеческого страдания: скорбь оставленности близкими людьми в минуты смертной туги и скорбь оставленности Богом в предсмертных муках. Душа человеческая, хотя и поражена греховным ядом эгоизма, самозамкнутости и разделения, но в своей глубине хранит жажду иметь любовь к себе и поддержку других, тем более близких ей по крови и по духу людей. Эта жажда поддержки, сочувствия и любви со стороны близких особенно ощущается душой в минуты несчастья и скорби, когда в страхе за себя она объемлется как бы смертной тугой, чувствуя свое одиночество и никому ненужность. Сочувствие и поддержка близких в эти минуты скорби являются целительным бальзамом для страждущей души. Отсутствие их подводит душу к пределу земной скорби, когда в чувстве оставленности близкими ощущается поправление последней святости сердца; вслед за сим наступает тупость отчаяния и безысходность тоски. Это одно из высших предельных земных страданий, ставшее уделом человечества, поправшего Божию любовь и получившего в наследие за это поправление человеческой любви в страдательские минуты жизни.

Данное наследие греха как одно из предельных земных страданий и понес Спаситель мира в завершении созерцаемой крестоносной чаши при Гефсиманском борении за искупление людей. Придя в Гефсиманский сад перед крестными муками, Спаситель отходит с тремя возлюбленными учениками помолиться и «начат ужасатися, скорбети и тужити». «Прискорбна есть душа Моя до смерти,—говорит Он Своим ученикам,—пождите зде и бдите со Мною»; отходит от них на вержение камня и начинает молиться. Чаша предстоящих страданий—перед Богочеловеческим взором Спасителя. Предошущение всей страдательной скорби за падшее человечество—в сердце Исккупителя. Чаша страдания с грядущею смертью Безгрешного уже переживается в духе и наступает смертная туга: «Прискорбна есть душа Моя до смерти». Эта чаша всего человеческого страдания, усваиваемого любовью сострадания, во много раз превышающего само человеческое страдание, ужасает Спасителя и как бы гнетет Его своей непосильной тяготой. Он молит Бога Отца о том, чтобы (она) миновала Его: «Мимо неси Мя чашу сию»; «Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия, обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты». Молитва Спасителя не категорична, как все вообще молитвы Его, а условна: Он просит о миновании чаши, но вместе с тем предает Себя в волю

Отца. Однако эта молитва — молитва об избавлении от чаши, об избавлении от грядущего страдания. Богочеловеческое сердце любовью сострадания принимает людское страдание, но Спаситель ужасается всей чрезмерности его, необычайности и несвойственности его для Своей безгрешной, ни в чем неповинной человеческой природы. И здесь человечество Искупителя мира, как бы изнемогая в борьбе за вольное восприятие людского страдания, жаждет поддержки и любви в близких по человечеству. Спаситель идет к возлюбленным ученикам, но находит их спящими. «Тако ли не возмогосте единого часа побдети со Мною,— говорит Он им,— бдите и молитесь, да не внидете в напасть».

Это не укор возлюбленным ученикам, это — голос человечества, жаждущего любви, поддержки и участия от своих близких. Но ученики не бдели в молитве. Искупитель мира должен был нести крестную чашу в оставленности от людей. Спаситель отходит от учеников, и снова в минуты тягчайших мук душевной скорби встает чувство оставленности человечеством в лице ближайших учеников, тем человечеством, ради спасения коего Он готовится нести крестную муку. Оставленный людьми, Спаситель одинок в Своем борении. Душевная туга Его сердца достигает наивысшей ступени напряженности. К оставленному человечеством нисходит ангел с небес и укрепляет Страждущего. Вместе с тем усиливается молитвенный подвиг Спасителя по преодолению скорби, т. е. подвиг за вольное принятие человеческого страдания во всей полноте греховного человеческого наследия. Духовная и телесная природа Спасителя мира в таком необычайном напряжении, что телесность испускает пот, как капли крови, падающие на землю (Лк. 22, 44). Но в крайнем пределе внутреннего борения, в этом высшем напряжении духовных и физических сил, молитва дает разрешение создавшемуся напряжению, и в глубинах духа наступает преодоление скорби: человеческое страдание принимается всей полнотой Богочеловеческого сострадания как вольный жертвенный подвиг. «Отче Мой, аще не может сия чаша мимоити от Мене, аще не прию се, буди воля Твоя». Здесь уже нет молитвы о том, чтобы миновала чаша страданий. Чаша принимается как благая воля Отца. Скорбь преодолена и побеждена верою в благую волю Отца. Чаша страданий принята как вольное страдание состраждающей любви, искупающей человечество. Спаситель снова идет к ученикам и снова находит их спящими. Но теперь для Него уже не требовалась человеческая поддержка, ибо в духе совершилось вольное восприятие чаши крестных страданий. Господь отходит молча от Своих учеников и, «шед, паки помолися третицею, тожде слово рек», т. е. повторением молитвы, приемлющей чашу, Спаситель утверждает в вольном восприятии человеческого страдания. Так кончилось Голгофское борение с наивысшим моментом напряжения его в чувстве оставленности близкими как одним из моментов предельной земной скорби, этого печального наследия прародительского греха. Чаша скорби была преодолена во Христе для всего человечества. Отныне для каждого из верующих она может находить разрешение через Христа в благой воле Отца. Принимая чашу крестных страданий, печатлеющихся смертью за человечество, Спаситель показал высшую ступень послушания воле Отца, через что и каждому верующему в Него раскрывается возможность жить в той же силе послушания и претерпения всякой скорби в принесенной Христом новой благодатной жизни. Сраспинаясь духовно со Христом, верующий становится участником тех благодатных чувств, «яже во Христе Иисусе», и Им соиздается мощь его духовной жизни.

Оставленность близкими в минуты тяжких душевных переживаний не есть, однако, крайнейший предел земной скорби. У оставленного людьми есть Небесный Отец, вера в неизреченное милосердие Кото-

рого сильна поддержать человека при всяком земном страдании. Крайнейший предел земного страдания для верующей души наступает тогда, когда она почувствует оставленность Богом. Душа переживает чувство оставленности Богом, впадая в грехи. Чувство удаления Бога от грешного человека и человека от Бога является наследием прародительского падения: в разных формах и видах оно переживается всем человечеством. Но особенно это чувство мучительно тяжело для души, чувствовавшей раньше близость Божию, а потом ощутившей оставленность себя Богом. В чувстве оставленности Богом душа нигде не находит покоя. Ее уделом становится беспросветное отчаяние и полный тупик жизни. В этом тупике исчезает сама жизнь как умное чувство Божества, как непрестающее ощущение Живого и Вечного Бога, и для души, жившей ранее действительным Богообщением, наступает мрачная и беспросветная тьма небытия. Чем больше душа ощущает близость Бога, тем мучительнее для нее чувство оставленности Богом. Мучительность этого чувства является крайним пределом земных страданий, так как, при замесении веры в Небесного Отца, оно ни в чем земном не может найти разрешения и облегчения.

Восприимая любовью сострадания всю полноту человеческого страдания за грех, Спаситель должен был воспринять и скорбь оставленности человечества Богом как высшее мучение души, некогда жившей всем своим существом в лоне Божественной любви, а потом отпавшей от Бога и в чувстве оставленности Богом утеравшей всякую надежду на возвращение утерянного блаженства. Для неповрежденной грехом Богочеловеческой природы Исккупителя мира переживание чувства оставленности Богом было тем тяжелее, что Небесный Отец являлся сосредоточием духовной жизни Богочеловека, теснейшее единение с которым было никогда не прерывающимся актом Его земной жизни. Чувство оставленности Богом, являющееся пределом земных страданий человека, в неисчислимое множество раз большим являлось таковым для Исккупителя мира. Здесь оставленность Богом должно было пережить все возвышеннейшее и чистейшее в человеческой природе, что жило доселе одним только Богом, что дышало во всем своем существе никогда не пресекающимся единением с Небесным Отцом.

Вот почему высшим напряжением Голгофских страданий были не физические крестные муки, не оставленность человечеством, ради которого воспринимались Крест и Голгофа, а чувство оставленности Богом Отцом, переживаемое как чувство оставленности Богом всего человечества, во всей полноте скорби этого тягчайшего переживания.

Спаситель на Кресте. Перед Ним бушует человеческая злоба. Его поносят распятые с Ним. Но Богочеловеческое сердце полно мира и всепрощения: «Отче! отпусти им, не велят бо, что творят». Нет близких учеников. Только Мать Иисусова с некоторыми женами и возлюбленным Иоанном стояли при Кресте в последний час земной жизни Божественного Страдальца. И здесь муки Креста преодолеваются любовью к Родшей. «Иисус, увидев Мать и ученика стояща, егоже любяще, глагола Матери Своей: «Жено, се сын Твой». Потом глагола ученику: «се Мати твоя»».

Но вот наступают последние моменты Голгофского борения. Богочеловеческое сердце Спасителя мира со всем вмещаемым в нем любовью сострадания человечеством начинает переживать муку оставленности Богом. И эта мука была так велика, так неизмеримо тяжка для Богочеловеческого Сыновства, что с Креста раздаются слова напряженной и глубокой скорби. «О девятю же часе возопи Иисус глаголю велиим, глаголя: «Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставил?»». Наступил крайний предел земного страдания. Как некогда в Гефсиманском борении человеческая природа Спасителя в момент главнейшего напряжения скорби испустила пот, как капли крови, так

и здесь, в этом крайнем пределе земного страдания от пригвожденного ко Кресту человечества Искупителя мира послышалось: «Жажду». Телесность, изможденная борьбою духа, требовала земного подкрепления, от которого она еще так недавно категорически отказалась. Но это был последний момент напряжения крестных мук. Скорбь оставленности Богом преодолелась верою в Сыновство у Бога Отца. Спаситель зрит искупаемое Своим страданием человечество усыновляемым Богом, зрит торжество этого усыновления и крушение всех хитросплетенных козней греха. Наступает преодоление скорби и совершение дела искупления. С Креста несется торжественное «Совершишася!», вместе с чем сострадающая любовь возвышается до радостного чувства победы, и раздается великий Богочеловеческий глас: «Отче! в руке Твои предаю дух Мой», и, преклонь главу, предаде дух».

Так вмещаемое любовью сострадания Богочеловеческого сердца немощное человечество находит своего Небесного Отца и Ему предается в полноте сыновней любви. Вместе с тем оно находит в нем через Христа и вечную, непрестающую жизнь, как победу над тупиком небытия жизни без Бога. Оно предает себя в руки Живого и Вечного Бога. Это был победный глас человечества, преодолевшего чувство оставленности Богом сознанием своего сыновства у Бога, ощутившего Бога как Небесного Отца, глас торжества, вызвавший веру сотника и создававший преодолевающую земные страдания веру бесчисленного множества последователей Христа. Отныне рушилась преграда, отделяющая человека от Бога, и через полное любви и сострадания Богочеловеческое сердце открылся всем верующим доступ в лоно Отчей любви и Отчего благоволения, в лоно вечной Божественной жизни.

Наступила крестная смерть Богочеловека как последнее земное наследие человеческого греха. В порядке Божьего домостроительства спасения людей она была таким же неизбежным актом, как и земные страдания Богочеловека. Смерть является естественным следствием допущенной человеком аномалии жизни.

Претерпение ее как финал земного человеческого страдания становится, поэтому, неизбежным актом в полноте жертвенного, искупающего подвига Спасителя мира. Но как во всем прочем жертвенном подвиге Спасителя мы видели не только претерпение искупающего человечество страдания, но и преодоление страдания, победу над ним,—в чем и заключается высший смысл искупления,—так и претерпение смерти Сыном Божиим венчается преодолением смерти, победой над ней.

7. Воскресение и прославление Сына Божия

Крестною смертью окончилась жизнь Богочеловека в воспринятой им человеческой плоти. Вслед за сим начинается новая жизнь в прославленном человеческом теле. Смерть как разрушение телесного человеческого состава и вступление души в несвойственное ей доселе бестелесное существование не могла иметь своей всеразрушающей силы над Тем, кто Сам был Источником и носителем жизни и в Ком человечество препожедало тупик небытия всецелым преданием себя Живому и Вечному Небесному Отцу. Умершая человеческая плоть Спасителя силою соприсущего ей Божества воссоздается для новой прославленной жизни и некогда мертвенное и тленное становится нетленным и бессмертным, одухотворенным через Божество. Богочеловек воскресает из мертвых и полагает начало и возможность новому будущему состоянию людей — прославленному состоянию бессмертия и вечности. Ибо Он — Носитель в Себе всего человечества, и Его воскресение из мертвых, поэтому, потенциально содержит в себе возможность воскресения всего человечества.

8. Вознесение Христом человечества в лоно жизни Тринипостасного Божества

Воскресением из мертвых не ограничивается прославление Бого-человеком человеческой плоти. Воскресшая и обновленная, она возносится Христом (во Христе) на небо и спосаждается одесную Бога Отца. Человечество, таким образом, в Лице Богочеловека таинственнейше вводится в лоно жизни Тринипостасного Божества, самым теснейшим образом соединяется с Божеством, и вместе с тем для него во Христе раскрывается возможность необъятной полноты идеального бытия и усвоение Божественной жизни. Через это непостижимое для человеческой мысли прославление человеческой природы в Лице Богочеловека, через ее введение в лоно Божественной жизни и спосаждение одесную Отца человечеству даруется в Новом Адаме несравненно больше, чем оно имело в Адаме первозданном.

9. Стяжание человечеством во Христе большей полноты жизни, чем в первозданном Адаме

В первозданном Адаме было только приближение Бога к человечеству. Здесь — таинственное введение его в лоно Божественной жизни, восприятие Божеством человечества в вечно-неразрывное единение с Ним. Там — обещание бессмертия, здесь — осуществление его в Новом Адаме и прославление человеческой плоти со спосаждением ее одесную Бога Отца.

Таково величие Божия милосердия, так непостижима и неизреченна Божия Премудрость в Ее Промышлении о спасении падшего человека.

10. Возвещение об изменении условий существования внешнего мира

Божественному Промышлению еще оставалось указать на изменение условий внешней жизни окружающего мира в смысле приспособления этого мира к идеальным установлениям будущего человеческого обновления. Разумеется, это изменение материального бытия может совершаться только через непосредственный акт нового Божия творчества. Акт этого изменения определен учением Самого Спасителя мира и раскрыт Его ученикам. В слове Божиим говорится, что окружающий нас земной мир будет разрушен по Божиему мановению огнем, что вместо него явятся (будут созданы) новое небо и новая земля, тот новый мир, который заменит собой мир, испорченный грехом человека, и который будет вполне соответствовать всем условиям восстановленной идеальной человеческой жизни. Далее анализ условий, нужных для восстановления идеальной жизни, приводит нас к признанию необходимости уничтожения греховного мира и создания нового, соответствующего идеалам богоподобного развития человека. Богочеловеком этот новый мир обещан как новое Божие творение и тем самым указано последнее условие восстановления идеальной человеческой жизни.

11. Богочеловечество как осуществленное посредничество между Богом и людьми, обуславливающее действительную возможность идеальной человеческой жизни

Таким образом, явлением Богочеловека на землю, возведенным Им Евангельским учением, совершённым жертвенным подвигом и прославлением через Себя человеческой природы были даны все условия для восстановления идеальных норм человеческого бытия, каждого отдельного человека, желающего духовного обновления, а во Христе это обновление было уже совершившимся фактом.

Идеальная человеческая жизнь как действительный факт была

прежде всего осуществлена в Самом Богочеловеке, являющемся по Своей природе не только Богом, но и истинным Человеком. Учение, принесенное на землю Сыном Божиим, раскрывало нормы истинной жизни человечеству. Из него человек получал истинное познание о Боге, себе самом, окружающем мире и, научаясь истинному познанию, мог иметь истинное представление о жизни, сообразной означенному познанию. Теперь он узнал, что врожденное ему (наследственно переданное) эгоистическое направление жизнедеятельности — аномалия жизни, а не общепризнанная норма ее, что истинная человеческая жизнь должна строиться по принципам любви к Богу — Небесному Отцу человечества и людям, чадам Божиим и братьям между собой. Жизнь эта в земных условиях существования неизбежно должна быть жизнью крестоносной скорби, и должна проходить она как в искоренении зла, непосредственно живущего в самом человеке, и в преодолении того же зла, действующего на человека через окружающий мир, людей и духов злобы, так и в насаждении в своем сердце и в окружающей среде навыков, сообразных духу новой благодатной жизни. Внешне эта земная жизнь должна окончиться телесной смертью, но смерть будет только временным прекращением жизни в телесном составе. В назначенный Божественным Промышлением момент тление облечется нетлением и человек силою Божиею восстанет из мертвых в нетленной красоте бессмертного тела, вместе с тем восстанет к бытию новый мир, вследствие чего возвратится полная гармония в осуществлении идеальных норм развития богоподобной человеческой личности. Тогда же зло, окончательно выявившееся в своей несущественности и в ложном притязании на право бытия в его творческом созидании жизни, будет совершенно осуждено с отнятием у него всякой возможности в дальнейшем вредить новому человечеству и распространять его идеальную жизнь.

Но благодаря чему же делается возможной для слабого и немощного человека указанная новая, ранее совершенно непосильная для него жизнь? Откуда и как является приток тех сверхъестественных сил, которые земную немощ человека делают сильной преодолевать непосредственно воспринятое эгоистическое содержание жизни и усвоить новое, богооткровенное?

Жиздущей, творческой силой, оживляющей человека и созидющей его в благодатной жизни, является Дух Святой, Третье Лицо Пресвятой Троицы. Некогда Дух Святой благодатно оживлял сердце Адама, покоящееся в Господе, но человеческое самоутверждение, выход из внутреннего единения с Божеством лишили это сердце Духа Святого и обнажили его от благодатных сил, оживляющих и созидющих в богоподобную жизнь. Дух Святой не мог пребывать в человеке вследствие его плотского мудрования.

Сын Божий, как Новый Адам — Сын Человеческий и Богочеловек — по Божеству, пребывает в Троичном единении со Святым Духом, а по человечеству всецело исполняется Духа Святого при крещении от Иоанна во Иордане, когда Иоанн видел Духа Божия, нисходящего и пребывающего на Сыне Божиим, и когда Иисус, исполненный Духа Святого, поведен был Духом в пустыню на попрание диавольских искушений, а потом «в силе Духа» возвратился в Галилею и начал проповедовать Евангелие Царствия. Но до совершения Христом дела искупления Дух Святой, хотя и пребывал неотлучно на Сыне Человеческом — Новом Адаме человечества, не мог быть, однако, еще сообщаем самому человечеству, так как во всей полноте еще не было осуществлено и во всех условиях исполнено благодатное посредничество Сына Божия между Богом и человеком, и Дух Святой поэтому не мог еще быть послан Богочеловеком к Своему земному человечеству: «Не у бо бе Дух Святыи, яко Иисус не у бе прославлен». Только

по совершении дела искупления и прославления Христа через воскресение и вознесение раскрывается полная возможность ниспослания верующим Всесвятого Духа, оживляющего их и делающего для них практически осуществимой новую благодатную жизнь. Все это сделалось возможным вследствие совершенно изменившихся отношений между Богом и человеком благодаря Богочеловечеству Сына Божия, совершённому Им искуплению и воспринятому прославлению.

Богочеловек, воспринявший в Свое Божество человеческую природу и в жертвенном подвиге любви за человеческий род ставший сосредоточием в Себе всего человечества, носителем всей человеческой скорби и всего человеческого страдания как наследия греха, вследствие этого становится живым Посредником между Богом в Его чистейшей духовной природе и людьми в их скорбной, отравленной грехом жизни. В Богочеловеке, понесшем за людей тяготу их скорби и избавляющем их от тиранства зла, люди видят по человеческой Его природе близкого себе члена своего рода, с Которым они могли быть в теснейшем общении и единении. Но, входя в общение и единение со Христом через веру и любовь к Нему, верующие тем самым в Богочеловеке Христе входят в теснейшее единение с Троичным Божеством по Единству Троичного Бога, и таким образом для Всесвятого Духа раскрывается полная возможность наития на человеческое сердце, освящения этого сердца и благодатного пересоздания его. Богочеловек, с любовью воспринимая людей, ради спасения коих Им совершен жертвенный подвиг, становится «Ходатаем Бога и людей», и, как Жертва умилоствления, Он умоляет Небесного Отца дать верующим Святого Утешителя Духа, чтобы Он пребыл с ними вовек (Ин. 14, 16). Спаситель тем самым приводит верующих в лоно Божественного милосердия, чем раскрывается возможность действительного ниспослания Духа спасаемому человечеству, и притом не для временного пребывания, а как обручения вечного. Ибо в прославленном Христе, сидящем одесную Отца, для Божественной Троицы зрится не только человечество скорбное, омываемое в своих грехах жертвенною Кровию Спасителя мира, но и человечество прославленное, обновленное к жизни нетленной вечности, зрится восстановленная гармония жизни и полнота идеального бытия. Божественным Промышлением, таким образом, созерцается во Христе все спасаемое человечество как великий единый организм, присно оживляемый Духом Святым, дарованным спасаемому человечеству чрез ходатайство Сына Божия, организм, идеально осуществившийся в своей Главе — Богочеловеке Христе, постепенно исцелевающий и благодатно обновляющийся в своих членах — спасающемся через веру и любовь ко Христу человечестве — и долженствующей некогда восстать в состояние полного прославления и полной гармонии идеальной жизни.

12. Церковь как спасающееся во Христе человечество, носящее в себе Божественную жизнь через обитание в нем Духа Божия

Здесь уже Христос и спасающееся человечество созерцаются как Церковь, как великий организм, возрастающий из своей Главы, как ветвь из Лозы, мыслимый и созерцаемый, поэтому, как тело Христово. Каждый из спасающихся через привитие к телу становится причастником Божественной жизни, ибо Дух Божий, исходящий от Отца и почивающий на Сыне, вместе с тем со времени ниспослания Его верующим в день Пятидесятницы неотлучно пребывает в теле Церкви, оживляя и одухотворяя все члены и составы этого великого организма по силе веры и любви спасающихся ко Христу и их жажды духовного обновления.

Так в Церкви Христовой существенно изменяется отношение между Богом и человеком. Во Христе восстанавливается образ таинственней-

шего, теснейшего единения между Богом и человеком. Через нантие Святого Духа возобновляется тот ток Божественной жизни в сердце человека, который был прерван преслушанием Адама, и для человеческого сердца становится снова возможным воспринимать живительную силу Духа Божия, действительную дать ему мощь для искоренения наследственно нажитого греховного содержания жизни и усвоения указанных Спасителем мира Евангельских начал и идеальных принципов бытия. Так рушится возращенная духом злобы преграда между Богом и человеком, и человеку раскрываются вседостовернейшие надежды на конечное избавление от мучительства зла.

13. Необходимость пребывать в Церкви, где верующим в церковных таинствах даруется Дух Божий

Церковь как Богочеловеческий организм, как тело Христово, где даны все условия для теснейшего единения с Божеством во Христе и восприятия душой человека таинственной жизни Богообщения, является, естественно, той средой, в которой единственно только возможно спасение людей в смысле возвращения их к нормам истинной жизни и действительное осуществление этой жизни. Принадлежность к этому организму, привитие к телу Христову, поэтому, необходимо для каждого, желающего спасения. В Церкви Христовой неотступно пребывает со времени нисхождения Его на апостолов в день Пятидесятницы Дух Божий во всей полноте Своих благодатных дарований, и как апостолами Он был низводим на верующих, так по преемству от апостолов всегда низводился, низводится и должен низводиться на верующих до скончания века церковным священноначалием в богочеловеческих таинствах Святой Христовой Церкви, подавая верующим все благопотребное для приготовления к вечной идеальной жизни.

а) Таинство святого Крещения как поставление человека в положение первозданного Адама

Человек принимается в Церковь Божию через святое таинство Крещения. Выражая решимость в корне изменить свою жизнь, т. е. отрицая эгоистическое содержание жизни и воспринимая Евангельское благодатное, верующий приносит покаяние во всем своем прежнем направлении жизни, свидетельствует свою веру в Троичного Бога и через Христа — по любви и вере к Нему — прививается в Крещении к Богочеловеческому организму Церкви Христовой. Что же при этом совершается с христианином? В Крещении он сжигается Христу. Отринутое в покаянии прежнее греховное содержание жизни, ранее уже взятое на Себя Христом и искупленное Им в жертвенном Голгофском подвиге, теперь, при привитии ко Христу верою и любовью, как бы смыто в крещальных струях, оно снимается с ответственности христианина и не вменяется ему. Из вод Крещения христианин выходит очищенным от прародительской скверны, прощенным во всех своих грехах и во всем своем ложном направлении жизни²¹. Вместе с тем он сочетается со Христом, становится едино с Ним, и через это сочетание открывается его сердцу доступ Всесвятого Духа.

б) Миропомазание — дарование благодатных даров Святого Духа

В таинстве Миропомзания крещаемому даруются благодатные дары Духа Божия как жизнь таинственного Богообщения, создающего в нем нового, возрожденного через Крещение внутреннего человека. Так совершается новое благодатное рождение христианина.

²¹ См. подробное психологическое раскрытие возможности сатанинского действия на крещенного у св. Марка Подвижника (Добротолюбие, т. I, с. 508—511).

Доселе господствующая над ним и коренящаяся в сердце его сатанинская сила, как язва прародительского греха и фактического владения над человеком князя мира сего, при совершившемся отрицании этой силы и начавшемся, по сочетании со Христом, единении с Божеством через благодать Святого Духа уже не может сохранить своего прежнего господственного положения. При начавшемся таинственном Богообщении в сердце христианина водружается Божественная благодать, Божественная сила Всесвятого Духа. Сатанинское владение изгоняется из глубины человеческого сердца и лишается своего владического значения в нем. Но, оставаясь в окружающем мире, оно сохраняет, естественно, возможность влиять на это сердце извне, с периферии его. Сердце крещаемого исполнено Божественной благодатью, Господь с ним, ток Божественной жизни струится в человеческом сердце. Но эта Божественная благодать воспринята христианином туне, дана по вере Божиим милосердием и любовью. Она должна быть сохранена и усвоена свободой человека, ибо вне свободы нет совершенства души и нет прогресса по началам богоподобного развития. Необходимо снова испытание свободы, неизбежно ее утверждение, ее закалка в сохранении и усвоении благодатной жизни. Поэтому искушение зла остается. И не может его не быть, потому что зло еще существует в мире и со всех сторон окружает верующего. Но оно, как при первозданном Адаме до его грехопадения, вне крещенного, не внутри, а на периферии сердца. Сатана силен смущать и искушать злом верующего, но бессилен поработить его себе, если на то не будет свободного соизволения человека, как в древности Адама и Евы. Так крещением восстанавливается *status quo* первозданного человека, возрождается падший образ Адамов, сокращается сила прародительского греха, и христианин становится в то положение, в котором была некогда первозданная чета до своего падения. Но если первозданная чета, совершенная в своем создании Творцом, жившая в таком же полном совершенстве и гармонии мире, не могла сохранить свою свободу в послушании живущей в ней благодати, то тем более не легко это сделать в отношении себя христианину, живущему в растленном человеческим грехом мире. Ему, поэтому, необходимы особые силы, особые благодатные дарования, чтобы укрепить свою немощную свободу в следовании Евангельским нормам жизни и не быть преодоленным искусительными ухищрениями зла на крестном пути спасения. Эти особые благодатные дарования для укрепления христианской свободы в ее следовании Евангельскому учению подаются живущим в Церкви Святым Духом в таинстве Миропомазания, которое по существу своему есть не что иное, как дарование крещаемому Духа Божия, нисшедшего на апостолов и преемственно низводимого на всех верующих преемниками апостольского служения. Таким образом, с этого момента силою, созидающею христианина в жизни обновления и препобеждающею искушения зла, становится Дух Святой, если только Он верно охраняется в святине своего пребывания свободой человека.

в) Покаяние как постоянное сознание и исповедание своих неисправностей и Божие прощение их

Однако и при наличии благодатных дарований у человеческой свободы остается ее немощь. Окружающий мир давит своею греховностью дух, стремящийся к богоугодной жизни, и сатанинская злоба не перестает искушать душу всевозможными соблазнами пространного, самоугодливового жития. Свобода, как ни укрепленна она благодатными дарованиями, легко все-таки может подвергнуться поползновению и увлечься греховным соблазном. На этом пути немощную человеческую душу встречает милосердие Божия всепрощения в таинстве

святого Покаяния. Падение души принимается Божиим правосудием как ее немощь противостоять обольщению, и она тотчас же прощается при условии искреннего покаяния, погружаемая в неисчерпаемую бездну Божия милосердия и Божией любви к грешному человеку. В этом случае покаяние как раскаяние в совершении недолжного и обещание должного, т. е. доброй совести, является как бы постоянно вновь и вновь заключаемым заветом с Богом на богоугодную жизнь, т. е. как бы вторым крещением, почему искреннее покаяние всегда и заканчивается чувством внутреннего примирения с Богом, т. е. ставит покаявшегося в то же положение, в котором он находился по Крещении. Вместе с тем покаяние как постоянное искреннее осуждение человеком своих падений и обещание Богу доброй совести и доброго изменения становится могучим средством укрепления воли в добре и противодействию проникающему в человеческую душу злу. Покаяние, таким образом, переходит в постоянное настроение борющейся с грехом спасающейся души, и этим пребыванием в чувствах постоянного покаяния и сокрушения душа удерживает в себе Божественную благодать, постепенно перерождающую ее для вечной жизни.

*г) 1. Причащение Тела и Крови Христовых —
залог нетления и вечности*

Душа христианина Крещением возрождена для новой жизни, в Миропомазании облагодатствована дарованием Святого Духа для преодоления зла и исполнения Евангельских заповедей; ей указаны средства излечения греховных ран и предохранения себя от властительства сатаны. Но она продолжает жить в смертном от раствления грехом теле. Христианин предназначен для вечной жизни в прославленном теле, но земной телесный состав его смертен, и у него нет в себе самом залога бессмертия и нетления для будущего вечного и блаженного состояния в прославленном теле. Если бы для жизни прославления предназначалось другое тело, тогда в подобном залоге не было бы нужды, так как в подобном случае не требовалось бы иметь какой-либо связи со своим прежним телесным покровом. Но к жизни нетления предназначено не другое, а именно то тело, тот телесный состав, в котором душа христианина жила на земле. Для этого телесного состава душа в себе самой должна иметь залог вечной неумирающей жизни, своего рода закваску, которая могла бы смертное тело заквасить нетлением и бессмертием. Такой залог вечной и нетленной жизни, поскольку тление явилось непосредственным следствием греха, должен быть целительным врачевством греховной человеческой природы, своего рода тем райским деревом, воспринимая которое, человек во всем своем существе — по душе и телу — исцелялся бы от греховной заразы и становился бы причастником нетленной, вечной жизни. Это целительное врачевство, этот залог нетления и вечности дарован Церкви Христовой, а следовательно, и каждому спасающемуся, в установленном Спасителем на Тайной Вечери святом таинстве Причащения. В этом таинстве, где Божественным изволением жертвенный хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Владычние, верующие, теснейше соединяясь со Христом, воспринимают в себя нетленную, вечную сущность и через это становятся сами причастниками нетления и вечности, заквасившись ими от Христовых Плоти и Крови. Тело и Кровь Христовы являются, таким образом, полагаемым в христианине залогом вечной жизни и будущего воскресения носимого им телесного состава. Это как бы то семя, которое, претворив и облагородив собой существо человека, прозябает потом к нетлению через воскресение и обновление — по духу и телу — всего человеческого существа. Тело и Кровь Христовы как залог вечности и нетления становятся таковыми в душе христианина через очищение ее от греховной скверны. Это Бо-

жественное питание, недомыслимое для человеческого ума, но ясно сознаваемое им, как неизбежно нужное и существенное в процессе духовного и телесного возрождения, обновляет собою весь духовно-телесный состав человека и делает его действительно способным для вечной жизни в идеальных нормах человеческого бытия. Тайна постоянной, до конца земного мира продолжающейся продолжаться жертвы хлеба и вина, предлагаемых Божественным установлением в Тело и Кровь Христовы, как всякая тайна Божьего участия в спасении людей, необъятна для ума человека и непостижима в своем существе. Но она приближается к уму человека в своих благодатных результатах, и в этом отношении опознается как необходимое и существенно нужное в процессе осуществления богоподобной жизни. При ней становится понятной действительная возможность созидания тленного и смертного человека для нетления и вечности, и без нее эта возможность представляется совершенно немислимой, так как в самой природе человека отсутствуют условия для претворения тления в нетление и смерти в бессмертие.

Воскресение Спасителя мира из мертвых обосновало указанную возможность, так сказать, метафизически, указало на воскресение как на факт, реально осуществленный в мире и потому принципиально (онтологически) допустимый мыслью и в отношении прочих членов человеческого рода. Но здесь не определяются основания, которые бы указывали, каким образом возможно воскресение для всех членов человеческого рода, не уясняется практическая возможность преодоления тления нетлением и претворения смертного в бессмертное и вечное. В частности, не определяется, каким образом христианин может наследовать во всей полноте духовно-телесное рождение от Нового Адама, т. е. получить в воскрешении из мертвых подобие такой же одухотворенной плоти, в которой воскрес Сын Божий. Тайна Тела и Крови Христовых, питающих смертного и тленного христианина соками бессмертия и вечности, выясняет нам действительную (практическую) возможность вечной и бессмертной жизни для смертного и тленного человека в подобии прославленной плоти Нового Адама. Тайна Тела и Крови Господних обуславливает внутреннюю возможность воскресения тел в подобии прославленной плоти Нового Адама не только как акт Божественного всемогущества, силы воскрешающей, простирающейся на все человечество, но и как силы оживотворяющей вкушающих оные для жизни прославления (Рим. 8, 11), заквашивающей духовно-телесный организм верующего закваской плоти Нового Адама. Потому-то эта великая тайна и воспринимается человеческой мыслью как тайна неизреченного Божия благодеяния, существенно нужная и необходимая для христианина в процессе воссоздания его к идеальной жизни. «Аще не съесте плоти Сына Человеческого, не пиете Крови Его, живота не имате в себе».

2. Повседневная жертва состраждущей любви и умилоствления

Но все это — одна сторона, воспринимаемая верующим сознанием в тайне Тела и Крови Господних. Есть еще другая, столь же таинственная и благодатная, утешительная для спасающихся. В тайне приносимых по заповеди Спасителя в Его воспоминание жертвенных хлеба и вина, предлагаемых в Тело и Кровь Господни, верующим сознанием созерцается жертвенный подвиг Богочеловека как повседневная жертва Его за падение и восстание человечества. Ведь Богочеловек стоит во главе церковного тела, Церкви. Он связан с ним существенно Своей Богочеловеческой природой и духовной полнотой всеобъемлющей любви к человечеству Своего Богочеловеческого сердца. Он, поэтому, присно живет в церковном теле, воспринимая в Своем Богочеловеческом сердце всю полноту жизни Церкви во всем ее торжестве

небесном и воинствовании земном. Все члены Христовой Церкви находят отклик в Божественном милосердствующем сердце, так как каждый член привит к Божественной Главе Церкви и составляет как бы единое целое с Ней. Но члены земной воинствующей Церкви находятся в состоянии подвига и борения с грехом, это — члены согрешающие и кающиеся; каждая греховная рана члена Церкви есть рана всего церковного тела и рана Главы Церкви — милосердствующего сердца Богочеловека. Ею уязвляется Божественная любовь, и так грехами и падениями верующих как бы снова распинается и пригвозждается ко Кресту носящее в себе все скорби Церкви сердце Богочеловека. Верующее сознание, болеющее своими собственными греховными недугами и недугами собратий по вере, зрит, поэтому, Главу церковного тела состраждущим, спасающим, несущим непрестающий жертвенный подвиг умилоствления Бога Отца за человеческий род. При этом сознании тайна Тела и Крови Владычных созерцается как продолжающаяся повседневная жертва Богочеловека за мир, жертва состраждущей Божественной любви, Божественного умилоствления и ходатайства Сына Божия перед Отцом за человечество. Так именно воспринимается Божественная заповедь творить в воспоминание жертвенного подвига Спасителя мира повседневное приношение хлеба и вина как Тела и Крови Владычных. И в этом восприятии непрестающего жертвенного подвига любви и умилоствления состраждущего спасаемым Богочеловеческого сердца для верующего христианина кроются необычайные источники благодатных, одушевляющих сил. Здесь верующему, жаждущему уврачевания своих греховных недугов сознанию со всей конкретной ясностью раскрывается постоянное самое живое участие Спасителя мира в подвижнической борьбе с грехом каждого христианина. Созерцая через повседневное приношение Тела и Крови Господних постоянный, умилоствительно-жертвенный подвиг состраждущей Владычной любви, спасающийся христианин живо ощущает в своем сердце эту состраждущую любовь Спасителя, особенно, если и он сам бывает причастником Святых Таин. Теснейше соединяясь со Христом, он видит себя не одиноким в непосильной для человеческой немощи борьбе с грехом, а созерцает участвующим в ней Самого Христа, и опознает Его внутренне, в глубинах своей души не только как Спасителя и Искупителя мира вообще, но и как пришедшего в Святых Тайнах в его сердце своего непосредственного поборника с грехом, как Искупителя и Умилоствителя перед Богом Отцом и Избавителя от восстающего со всех сторон на подвижника греховного зла. Это-то внутреннее опознание Спасителя мира — через повседневную жертву умилоствления — состраждущим Поборником в борьбе против угнетающего человека греха и всесильным Умилоствителем перед Богом Отцом и является для немощной души источником одушевляющих ее благодатных сил и радостных надежд на конечное преодоление греха и усовершенствование в добре.

3. Обручение Христу

Через таинственное питание Телом и Кровию Владычными совершается, таким образом, внутреннее сродство верующего со Христом. Душа его со Христом споборае грех и усовершенствуется в благодатной жизни. Христос укрепляет ее свободу, осеняет ее силами Всесвятого Духа. Во Христе она черпает мощь на всякие добрые дела. Ощущая Христа, касающегося в Святых Тайнах Своей всеобъемлющей любовью глубин ее сердца, душа сама разгорается горящей любовью ко Спасителю и жаждет предаться Ему во всей своей полноте. Так совершается внутреннее таинственное обручение души со Христом как постоянное возобновление и усугубление того сочетания со Христом, которое было обещано верующим при Крещении. Душа всецело пре-

дается Христу и принимается Им, и сама находит Христа в себе живущим. Этим путем достигается теснейшее единение Бога и человека.

4. Жертва хвалы

Воспринимая тайну Тела и Крови Христовых во всей полноте раскрывающейся в ней благодати для церковного тела вообще и для каждого члена этого тела в его внутреннем субъективном восприятии, в частности, верующее сознание созерцает эту великую тайну не только как жертву умилоствления и благодатно-сострадательного вспоможения, но и как жертву непрестанной хвалы и благодарного славословия от лица всего церковного тела Богу Отцу, дивно промыслившему о спасении людей. В этом высшем духовном постижении тайны Тела и Крови Христовых она является как жертва благодарения, хвалы и прославления, как полнота Божеских щедрот и Божеского благоволения к падшему человеческому роду. В ней созерцается грядущее обновление человечества, и это обновленное человечество зрится как благодатно-обоженное и прославленное, приобщенное к полноте Божественной жизни, спасаемое в Царстве славы с Главой церковного тела — Богочеловеком Христом. Так тайна Тела и Крови Христовых становится как бы кульминационным пунктом и сосредоточием христианства, тайной, вмещающей в себе полноту земного откровения Божественной благодати человечеству, той тайной, усвоение которой, восприятие в свое существо необходимо для каждого спасающегося во Христе. «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день». Поэтому эта тайна Богоподобной жизни должна пребывать в воинствующей Церкви до предела ее воинствования, т. е. до полного откровения Царства Божия, когда будет Бог всяческая во всех и Церковь воинствующая взойдет на степень Церкви торжествующей.

д) Брак

Плотской (брачный) союз членов церковного тела и телесная немощь этих членов также имеют в Христовой Церкви нарочитые благодатные осенения.

Брак как таинство Церкви освящает плотской союз мужа и жены, возводя его к духовному союзу во образ малой Церкви во Христе. Этим самая первая и высшая цель брачного союза определяется как взаимное духовное совершенство, взаимная поддержка при осуществлении идеала богоподобной жизни. Отсюда вторая цель брачного союза — рождение детей — одухотворяется идеей созидания новых чад для Христовой Церкви. Вместе с тем выступает и новая, логически неизбежная, третья цель брачного союза — отрицание плотского вожделения в его непосредственной ценности и постепенное обуздание этого вожделения до предела совершенного преодоления его и достижения целомудрия в жизни (1 Фес. 4, 4—5).

е) Елеосвящение

Столь частые в жизни и неизбежные телесные немощи членов церковного тела врачуются, по Божественному установлению, преданному апостолами, в таинстве Елеосвящения. «Болит ли кто от вас, да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне... И аще грехи сотворил есть, отпустятся ему» (Иак. 5, 14—15). Так как болезни телесного состава — эти предвестники грядущей смерти тела — явились следствием прародительского греха, то телесную немощь необходимо рассматривать в тесной связи ее с греховностью человека, почему и врачевание тела должно совершаться вместе с уврачеванием души. Этим совместным

врачеванием души и тела, и притом, как это действительно и следует, со значительным преобладанием врачевания души над врачеванием тела, проникнуто все таинство Елеосвящения.

ж) Священство

Указанными шестью таинствами изводится благодать Святого Духа на все основные моменты жизни и нужды спасающегося христианина. Изведение благодати Всесвятого Духа может быть совершаемо, по изволению Спасителя мира, не всяким верующим вообще, но особыми Божественно уполномоченными на то лицами. Полнота Божественной благодати Всесвятого Духа была дарована Христовой Церкви в день Пятидесятницы схождением Всесвятого Духа в виде огненных языков на главы апостолов. Апостолами Дух Божий низводился на верующих возложением рук. Таким образом, апостолы явились Богоучрежденными посредниками в сообщении благодатных даров; им же в силу этого принадлежала полнота духовной власти в Церкви, и они представляли собой среди верующих духовное церковное священноначалие. Все эти прерогативы апостолов сделались также достоянием преемников апостольского служения. Преемники апостольского служения, как это видно из некоторых указываемых словом Божиим случаев, поставлялись апостолами в свое достоинство через возложение рук. Вследствие этого из среды верующих выделялось церковное предстоятельство, преемственно воспринявшее от апостолов полноту духовного священноначалия, а самое возведение в духовные степени церковного священноначалия стало особым видом благодатного церковного таинства, тайноводством священства, хиротонии. Так как полнота духовной власти в Церкви Спасителем была непосредственно вручена апостолам (Ин. 20, 21—22), то от них она перешла также непосредственно к преемникам апостольского служения, т. е. к епископам. Епископ, поэтому, является в Церкви замещающим собой апостольство, обладающим всей полнотой благодатно-иерархического апостольского служения. От себя он поставляет на совершение таинств помощников себе — институт пресвитерата и на служение при совершении таинств — институт диаконата. Как институт пресвитерата, так и институт диаконата не имеют самостоятельного значения сами по себе. Они мыслятся существенными в епископе и через епископа. Поэтому все совершаемое ими совершается лишь по благословению и полномочию от епископа и без этого благословения и полномочия не имеет за собой совершительного значения. Церковь, таким образом, не может существовать без епископа как носителя полноты апостольского служения, и ни пресвитериат, ни тем более диаконат не могут иметь в Церкви какого-либо самостоятельного значения как получающие свое бытие от епископа, ответственного за них перед Богом.

Являясь посредником между Богом и верующими как совершитель таинств и раздатель благодатных дарований Всесвятого Духа, епископ, а также действующий по его полномочию пресвитер, не есть простое формальное орудие посредничества между Богом и людьми, он — живой орган Духа, пастырь словесных овец, воспринимающий паству в свое сердце и ведущий ее по путям жизни спасения. Посему пастырское служение есть по преимуществу служение самоотверженной любви и крестоношения, подобно служению Пастыреначальника Христа. Пастырь распинается за свое стадо в муках его духовного возрождения, болеет всеми его скорбями и радуется его радостям. Он должен стоять в служении стаду выше своей личной жизни, так как его личная жизнь принесена в жертву самоотверженной любви к стаду и должна заключаться в усвоении своему сердцу жизни стада. Понимаемое в этом смысле пастырство есть добровольное мученичество,

как воплощение в своем служении служения Христа человеческому роду, почему при обручении пастыря с Церковью на пастырское служение Церковь и ублажает мучеников за Христа.

Самоотверженная любовь к пасомым, распятие за них в их страстях и похотях, усвоение своему сердцу жизни всего церковного стада делают пастыря живым органом Духа в совершении таинств. Он здесь не простой требоисполнитель, не формальный передатчик Божественной благодати, а живой участник содеваемой тайны спасения своих пасомых, переживающий вместе с ними и боль греха, и благодать исцеления. Наивысшее духовное напряжение служения пастыря своему стаду происходит в совершении таинства Божественной Евхаристии, в принесении бескровной и всеисцеляющей жертвы Тела и Крови Христовых. Созерцая духовно все необъятное значение этой тайны для спасения верующих и горя сам всесамоотверженною любовью к пасомым в своем сердце, пастырь в совершении бескровной жертвы духовно следует за Христом, грядущим «заклатися и датися в съедь верным», и сам становится жертвой умилоствления о вверенном его духовному попечению стаде. В полноте самоотвержения он закаляется духовно, чтобы восприятием на себя всех греховных болезней своего стада и усвоением себе всех мучительных последствий этих болезней вместо своих чад понести на себе суд Правды Божией, а на чад низвести милосердие и всепрощение. И как Христос, заклавшийся, восстает воскресшим в славе, так и пастырь словесного стада, заклавшись со Христом духовно в самоотверженной умилоствительной жертве за свое стадо, во вкушении Жертвенного Хлеба — Источника бессмертия — им самим и приступающими ко Святой Чаше верующими, зрит в своем сердце и в сердцах верующих Христа, воскресшего из мертвых и Собою воскрешающего восприявшие Его души к жизни нетления и вечного прославления. Так в сердце пастыря совершается великая тайна постоянного, сугубейшего обручения себя Христу и Его Церкви, тайна предания себя во Христе на смерть за пасомых и тайна восстания с Ним к жизни прославления в жертве хвалы и благодарения. «О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О, Мудросте и Слове Божий и Сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего!» Здесь пастырь предстоит Лицу Божию в дерзновенной надежде на блаженство в вечной славе, на соцарствование со всеми братьями во Христе и благодарно вопиет в торжестве сердца: «Се аз и дети, яже ми дал есть Бог».

з) Молитвословия и чиноположения Церкви

Семью таинствами Христовой Церкви запечатлевается все наиболее важное и нужное в деле воссоздания духовной личности христианина. Но, кроме означенных семи таинств, и все прочие благодатные молитвословия и чиноположения Церкви низводят на верующих благодатные дарования Святого Духа, так что ими освящается вся земная жизнь христианина во всех ее отправлениях, ими же сопровождается христианин в загробный мир, и ими же умилоствляется Всевышний о душах, отошедших в вечность.

Поскольку всякое церковное молитвословие и чиноположение совершается и воспринимается с верою, оно низводит просимую благодать Всесвятого Духа и в этом отношении является тайной, как таинственное соприкосновение Божества с душой человека и таинственное воздействие на эту душу.

5. Церковь Христова — единственно спасающая христианина среда

Рассмотрев созданные Божественным Промышлением благодатные условия и средства воссоздания богоподобной личности человека, мы

видим, что все эти условия и средства даны к своему жизненному проявлению в церковном теле, Главою которого является Сам Христос, а членами — все правоверующие во Христа. Вне этого церковного тела нет условий и средств для воссоздания идеальной жизни, и поэтому вне Церкви Божией невозможно спасение.

Но и в Церкви Божией спасение каждого верующего совершается не одними личными усилиями спасающегося и Божественной благодатью, а в теснейшем взаимодействии верующего со всем церковным телом, т. е. в теснейшем участии спасающегося в жизни церковного тела и поддержке от него в своем крестоносном подвиге преодоления греховного и созидании нового человека.

Понятие живого организма, под образом которого представляется Церковь Христова, помогает нам проникнуть в тайны теснейшего взаимодействия со всею Церковью каждого верующего в процессе его духовного возрождения. Как в живом человеческом теле все отправления совершаются в полном взаимодействии, рост каждого члена проходит при полном участии всего организма, равно как и болезнь отдельного члена отзывается на всем организме, так точно такое же взаимодействие наблюдается в духовном организме Христовой Церкви. Каждый верующий духовно возрождается и растет в церковной среде, как в живом духовном организме. В христианской семье под влиянием родительских наставлений должна начинаться у дитяти сознательная христианская жизнь. В общей храмовой молитве и в теснейшем взаимообщении любви и благотворения церковно-приходской общины должна зреть и совершаться христианская жизнь. Вращаясь в этой жизни вокруг душевных переживаний, преломляющихся в области земной сферы человеческой деятельности, христианин столь же интенсивно вращается в области сферы небесной жизни, то предстая Лицу Божию в молитве, то обтекая духовно-молитвенным взором лики небесных воинств и славных своей высокой жизнью подвижников веры во главе с Честнейшею херувимов Девою Богородицею. В сонме подвижников благочестия, сподобившихся дерзновения перед Господом, верующее сознание созерцает не безучастную плеяду некогда живших на земле лиц, а живую среду любви и сострадания к воинствующим во Христе. Здесь, в истоках живого религиозного сознания, скрываются внутренние основы веры — и заступничество небесных сил, молитвы святых и особенно Заступницы рода христианского Девы Марии.

Так в полноте духовного общения со всем церковным телом, черпая от него все благодатное и отдавая ему свое, посылно создается и зреет духовная жизнь христианина. И хотя бы христианин скрылся в уединении, он в своем религиозном сознании всегда будет жить во всей полноте церковного тела как живой член живого организма. Таким образом, пребывание в живом теснейшем единении со всем церковным телом, живая благодатная жизнь в теле Христовой Церкви является тем последним условием и той единственной средой, где возможно духовное возрождение человека и его богоподобная жизнь. Церковь Христова — в ее небесном и земном существовании — и есть то новое человечество, которое духовно порождается Новым Адамом и которому принадлежит вечная жизнь в полноте развития всех идеальных богоподобных свойств человека.

1) Церковь — единство веры и любви

Церковь едина. Она — тело Христово, «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15), единение веры и любви. «Се же есть живот, да знают Тебе, Единого истинного Бога и Его же послал еси Иисус Христа»; «Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17, 3, 21).

Познание Бога и общение с Ним в единстве веры и союзе любви является сущностью жизни членов церковного тела. Богопознание и Богообщение составляет предмет искания и упования верующих, а единство веры и союз любви — то необходимое единственное условие, при котором возможно достижение этого упования. Поэтому единство веры и союз любви являются по самому существу своему внутренней природой церковного тела как великого Вселенского организма Христова. Этим единством веры и союзом любви Вселенская Церковь Христова связывается в единое неразрывное целое, пребывая во Христе как своем Главе и оживотворяясь Духом, на Сыне почивающем. Церкви Христовой дарована пребывающая в Ней благодать Всесвятого Духа.

Нарушение того или иного из указанных условий искажает природу церковного тела, оно выводит нарушителей из благодатной стихии церковного организма и только через покаяние, т. е. осознание допущенного греха в связи с обещанием воздерживаться от него, и Божие прощение возможно вновь быть причастником благодати Духа, оживляющего церковное тело. На единстве веры и союзе любви как двух основных атрибутов, выражающих собою внутреннюю природу церковного организма, создается жизнь Вселенской Христовой Церкви в ее историческом существовании, и все то, что в историческом прошлом активно нарушало какую-либо из означенных норм жизни, претендуя на исключительность в области положения и прерогатив вместо равенства по единению в любви, сначала само выводило себя из живого вселенского организма Христовой Церкви, а потом и внешне было отсекаемо соборным разумом Церкви. Так отсекали себя от единства веры все еретические толки, начиная с пресловутого арианства, питавшего некогда надежду быть общепризнанным исповеданием Церкви. Так отсекло себя от Вселенской Церкви католичество, поправшее в жажде авторитета над всею Церковью единение любви и доселе носящее в себе яд этой заразы.

Вся структура жизни Вселенской Церкви Христовой, согласно характеру ее внутренней природы, проникнута двумя указанными нами принципами. Эти принципы лежат в основе канона Вселенской Церкви, т. е. тех правил, по которым Святая Церковь от времен апостольских устроит свою жизнь. Ими же Церковь руководствуется, применяя, судя по обстоятельствам времени и места, нормы «икономии» и «акривнии», т. е. снисхождения и строгости, к нарушителям церковного мира (канона). Так, согласно означенным принципам, полнота духовного ведения и власти во Вселенской Церкви принадлежит не отдельным преемникам апостольского служения или определенной группе их, а всем им, вместе взятым, единству их, связанному любовью, иначе говоря, Вселенскому Собору как выразителю этого единства. Главной задачей Вселенских Соборов было утверждение единства веры и определение правил, руководствующих членов Церкви к пребыванию в единстве веры и союзе любви. Согласно тем же принципам, высшей полнотой власти Поместных Церквей является Поместный Собор; но Поместный Собор той или иной Церкви, в силу означенных принципов, уже значительно ограничен в сфере своей деятельности. Объем его прав простирается только на определенную часть верующих, принадлежащих к данной Поместной Церкви. Регулятором в его работе являются постановления прежде бывших Соборов, засвидетельствовавших догму веры и условия единения любви. Если бы Поместный Собор в постановлениях, касающихся веры и правил жизни, разошелся по существу со Вселенскими Соборами, он тем самым погрешил бы против единства веры и любви и оказался бы через это вне единения со Вселенскою Церковью. Однако соблюдение веры и союза любви не исключает возможности различия в церковной практике, поскольку

эта практика вызывается местными условиями жизни и не подрывает в корне устоев православного сознания.

Так, например, в нашей Русской Церкви с самого начала ее существования утвердился обычай посвящать в епископы только монашествующих. Следуя этой древней практике Вселенской Церкви, основанной на желании православного народа видеть в высоком сане святительства большее проявление нравственной высоты, Церковь наша за особенность своей практики, не разделяемой во всей полноте прочими Восточными Церквями, никогда не осуждалась вселенским церковным сознанием и не упрекалась какой-либо из Православных Восточных Церквей.

Но если бы, например, наша Церковь решила ввести вместо существующей практики совершенно противоположную ей — разрешила бы возводить в святительский сан живущих в браке²² или разрешила второбрачие служителей алтаря²³, т. е. ввела бы то, что было отринуто и осуждено вселенским церковным сознанием, она порвала бы единение любви со Вселенскою Церковью и оказалась бы вне этого единения.

Каждая Поместная Церковь по вселенскому установлению имеет во главе первейшего святителя — патриарха, митрополита или архиепископа, а имеющиеся в ней епархии представляют каждая, в известном смысле, самостоятельное целое, возглавляемое епископом. Жизнь Поместной Церкви совершается в строгом соответствии с указанными нами принципами.

Первенствующий является представителем Поместной Церкви во вселенском церковном организме, будучи ближайшим образом связью единства веры и любви с главами прочих Поместных Церквей и через них — со всею Вселенскою Церковью. Ему исключительно принадлежит право утверждения избрания епископов²⁴. Вот потому-то епископы епархий Поместных Церквей, самостоятельно руководя в общем жизнью порученной им Церковью епархии, не могут творить без воли первенствующего ничего такого, что имеет отношение ко всей Поместной Церкви²⁵, например, собирать Поместные Соборы, избирать и посвящать епископа в какую-либо из епархий и т. п.²⁶ Само собой понятно, что это посвящение становится канонически возможным, если на него заранее дается общее разрешение в предвѣдении, например, тяжелого положения Церкви. Равным образом первенствующий в делах, касающихся всей церковной области, ничего не творит без разрешения всех, почему обычной формой церковного управления в Поместной Церкви являются Синоды, т. е. своего рода малые Поместные Соборы, где несколько епископов уполномочиваются к управлению от лица всей Церкви.

Как видим, здесь все всецело поконится на принципе единения и любви. Каждый епископ, как мы сказали, имеет полноту канонической власти в своей епархии, но, согласно означенному принципу, он не имеет никакой иерархической власти в другой епархии, если не будет уполномочен на нее от канонического епископа этой епархии. Поэтому никто из епископов не вправе вторгаться в чужую епархию с иерархическими действиями, хотя бы она была вдовствующей, без надлежащего канонического разрешения, не вправе даже самовольно пропо-

²² Вопреки 12 и 48 прав. VI Вселенского Собора.

²³ Вопреки 17 и 18 Апост. прав.; 3 прав. VI Всел. Соб.; 12 прав. Василия Великого: 1 Тим. 3, 2—33; Тит. 1, 5—6.

²⁴ 4 прав. I Всел. Соб.

²⁵ 34 Апост. прав.; 4, 6, 7 прав. I Всел. Соб.; 8 прав. III Всел. Соб.; 28 прав. IV Всел. Соб.; 36, 3 прав. VI Всел. Соб.; 9 прав. Антиох. Соб.

²⁶ 34 Апост. прав.; 4, 6, 7 прав. I Всел. Соб.; 3, 2 прав. II Всел. Соб.; 8 прав. III Всел. Соб.; 28 прав. IV Всел. Соб.; 36, 39 прав. Трулльск. Соб.; 9 прав. Антиох. Соб.

ведовать в чужой епархии²⁷, брать в свою епархию клириков чужой епархии без надлежащего сношения. Все подобные действия противоречат принципам единения и любви и нарушающего их выводят из братского единения во Христе.

Поэтому как в отдельных епархиях, так и во всей Поместной Церкви вообще неправомерен захват церковной власти отдельными иерархическими лицами или сплоченной группой этих лиц. В этом случае лица, совершившие захват, хотя бы, по их мнению, оправдываемый условиями времени и места, как погрешившие против основных принципов внутренней природы церковной жизни — союза единения и любви, выводят себя из единения со Вселенской Церковью и вступают в состояние раскола, т. е. в положение безблагодатной церковной общины. Все последующие иерархические действия такой группы (например, поставление епископов и священников, созвание Собора и проч.), как потерявшие печать каноничности, лишены всякой силы и значения, ничтожны и безблагодатны, сама же она подлежит суду Православной Церкви.

Означенными же принципами должно руководиться и в отношении к канонам Вселенской Церкви. По существу дела все принятые в практику жизни семью Вселенскими Соборами каноны обязательны для всей Вселенской Христовой Церкви и точное исполнение этих канонов ничего не может принести собою, кроме благодатной и спасительной пользы, как бы ни казались на первый взгляд мелочны и нравственно безразличны те или иные из этих канонов. Но так как от времени установления канонов отделяет нас более, чем тысячелетие, в течение которого значительно понизилась нравственная высота христианской жизни и изменились условия общественности, с одной стороны, и установление некоторых канонов обуславливалось особыми обстоятельствами того времени, как, например, запрещенное христианину мыться с евреем в одной бане (хотя здесь, возможно, разумеется, не обычное мытье в бане, а ритуальное омовение) и проч., — с другой, то в кодексе правил оказалась часть таких канонов, соблюдение коих давно уже перестало быть предметом внимания Церкви. Отсюда делается поспешное заключение об условном значении всего вообще у кодекса церковных канонов и о возможности свободного отношения и обращения с этим канонами, причем исчезает всякий критерий для должного урегулирования этого свободного отношения. Но если мы во взгляде на вселенский церковный канон будем руководиться единственно возможным руководством — внутренней природой церковной жизни, т. е. принципом единства веры и любви, тогда для нас со всей ясностью выделятся все те церковные каноны, в отношении которых может быть свободно применен метод «икномин», т. е. списывания, к их неисполнению, и те каноны, которые должны быть хранимы со всею строгостью и непреклонностью, как базирующиеся на самом существе внутренней природы церковной жизни и вытекающие из самой глубины основных принципов церковного строя.

К первому разряду относятся каноны, имеющие отношение к личной жизни отдельных членов Церкви, к тому, что вызывается у этих лиц изменившимися условиями общественности и общим понижением уровня христианской жизни.

Ко второму разряду относится все то из области церковных канонов, что касается общих норм церковной жизни и церковного строя, что имеет отношение ко всей Церкви, нарушение чего влечет к разрыву единения и любви и допущение чего содействует понижению нравственной высоты христианской жизни.

²⁷ 35 Апост. прав.; 15 прав. I Всел. Соб.; 8 прав. II Всел. Соб.; 5 прав. IV Всел. Соб.; 17 прав. Трулльск. Соб.; 13, 22 прав. Антиох. Соб.; 3, 15 прав. Сардик. Соб.

При применении означенного критерия не может быть свободного отношения к канону Вселенской Церкви, но все будет совершаться благообразно и по чину, и ни метод «икнономии» не будет применяться в ущерб церковной «акривии», ни метод «акривии» не будет ложиться тяжелым бременем на немощную совесть и слабую волю христиан настоящих времен.

Уяснив основные принципы внутренней природы Вселенской Христовой Церкви в отношении к главным сторонам церковной жизни и церковного строя, мы должны с точки зрения именно этих принципов оценивать все явления церковной жизни и соответствие или несоответствие данным принципам иметь критерием в суждениях при оценке тех или иных явлений церковной жизни.

2) Церковь — Царствие Божие

Понятие Церкви Христовой сближается с понятием Царства Божия, возведенного Спасителем в Своем Евангелии.

Господь наш Иисус Христос начал проповедь Свою словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное». Что это за Царствие Небесное, приближение коего Господь возвестил Своею проповедью? Есть ли оно нечто далекое от земли, потустороннее, что ожидает нас в иных условиях бытия, или это нечто более близкое к нам, доступное и осязаемое здесь, на земле? Спаситель говорит о Царствии Божием, которое приблизилось к нам, которое, следовательно, раньше было от нас далеко, а теперь с пришествием Его, Сына Божия, на землю и с началом проповеди Евангельской стало близким к людям. Здесь проповедь не о том, что будет в далеком будущем, в мире потустороннем, в иных условиях бытия, а о том, что стало близким к нам. Царствие Божие приблизил к людям Христос. Он принес его с Собой на землю. До Его пришествия оно было далеко от людей, а теперь стало близким, видимым, осязаемым, куда может войти каждый желающий. Самая проповедь Спасителя, самое Евангелие Его есть Евангелие Царствия. «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия» (Мф. 4, 23). Царствие Божие через Евангелие Царствия, через пришествие на землю Сына Божия и совершаемые Им дела достигло людей. Когда фарисеи старались внушить народу, что Спаситель изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского, Господь сказал: «Если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его? И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями. Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Мф. 12, 26—28). Оно пришло к людям и находится среди них, оно — в делах Христовых, и дела Христовы свидетельствуют о достижении этого Царствия до людей. Оно не только пришло и не только достигло людей, но оно пришло в силу. «Истинно говорю вам,—сказал Господь Своим ученикам после проповеди о самоотречении,—есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу». И по прошествии шести дней Он взял Петра, Иакова и Иоанна на гору Преображения, где явился им во славе и где они слышали глас Отца Небесного, свидетельствующего о Своем возлюбленном Сыне. Таково было созерцание учеников Спасителя в Господе, преобразившемся на Фаворе, Царствия Божия, пришедшего в силу. Сам Господь, пришедший на землю, является этим Царством, слава Преображения, слава осияния во Христе человечества Божеством — сила Царства. Но Царство Божие Господь принес для людей, оно уготовано для верующих во Христа. «Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12, 32). «Блажени нищие духом, яко ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6, 20).

Оно здесь, на земле, становится достоянием людей. Еврейский народ был полон ожидания Царства Мессии, но он хотел видеть в Мессии земного царя, возрождающего политическую мощь еврейства. Такими же общеврейскими чаяниями были проникнуты ученики Христовы. Даже в день вознесения, после того, как Господь по воскресении в продолжение сорока дней неоднократно являлся ученикам, говоря о Царствии Божием, ученики спрашивали Его, говоря: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1, 6). Но Господь принес на землю не земное Царство. «Царство Мое,— говорит Он на суде у Пилата,— не от мира сего» (Ин. 18, 36). Оно «не пища и питие» (Рим. 14, 17); «плоть и кровь не могут наследовать Царства Божия» (1 Кор. 15, 50). Когда искушающий дух предлагал Господу сделать камни хлебами, иначе сказать, дать общую сытость человечеству, Господь сказал: «Не одним хлебом будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Так же Господь отверг чудо как средство власти над людьми, равно отверг предложение всех царств мира и славы их. Казалось бы, при общей сытости человечества, при чуде как средстве власти над людьми можно иметь действительную полноту господства над царствами мира, но все это было отвергнуто Господом, как ложь, во имя того другого Царства, которое Он открыл на земле Своим пришествием. Но это не есть какое-либо земное благоустроенное государство, которое когда-либо будет основано Спасителем мира. Нельзя сказать про Царство Божие: вот оно здесь, или: вот оно там. Оно не придет человеческим приметным образом. «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). Оно есть прежде всего достояние человеческой души, внутреннее сокровище человеческого сердца. Сердцем человеческим это Царство видится через внутренние очи веры, через веру сердца входят в это Царство, сердцем приемлют его и становятся обладающими богатством этого Царства. Поэтому можно быть около этого Царства, вблизи его, как бы соприкасаясь с ним и в то же время не видеть его или видеть, но не быть в состоянии войти в него, получить обладание им. Не может увидеть Царства Божия тот, кто не родится свыше (Ин. 3, 3), хотя бы был и вблизи этого Царства. Не может войти в Царство Небесное тот, чья праведность не превзойдет праведности книжников и фари-сеев (Мф. 5, 20).

Для того, чтобы получить обладание Царством, нужны особое устройство человеческого сердца и забота человека об этом устройении. Какое же основное устройство души необходимо стяжать для обладания Царствием Божиим? «Покайтесь,— говорит Господь,— ибо приблизилось Царство Небесное». Вот идет к людям Царство Божие; как встретить его, как войти в него, как получить обладание этим Царством? Покаянием, отвечает Господь. «Покайтесь»,— вешает Креститель, приготавливая людей к принятию грядущего на землю Спасителя, Который Сам есть это Царство и Царь этого Царства. «Покайтесь и веруйте в Евангелие»,— говорит Господь,— в Евангелие Царствия, возведенное сыном Божиим (Мр. 1, 14). «Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши»,— проповедует апостол (Деян. 3, 19).

Итак, покаяние во грехах— вот то основное сердечное устройство, которое требуется для обладания Царствием Божиим. Покаяние во грехах соединяется с верой в Евангелие, с верой в Сына Божия, благовествующего Евангелие Царствия. Вера в Сына Божия, спасающего мир и каждую верующую душу, окрыляя сердце человека полнотою радостных надежд, возрождает это сердце для новой жизни. Вера со-здаёт возрождение свыше, и тогда для души становится видимым Царствие Божие. «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3, 3). Царствие Божие вблизи человека, но он не видит его. Надо увидеть Христа очами веры, поверить в Него как в

Сына Божия, спасающего мир, покаяться во грехах своих, и тогда совершается рождение свыше, спадает покров с душевных очей, и душа видит Царствие Божие, доселе скрытое от нее, пришедшее в силу, видит во Христе новый благодатный мир как внутреннее богатство своей жизни, как Царствие Небесное внутри человека. Но Царство Божие только еще видимо, оно сияет, как жемчужина, как добрый бисер, как бесценное сокровище для сознания верующего человека, но верующий им еще не обладает; он узрел богатство Царства, но не получил права на владение им. Чтобы войти в Царствие Божие, чтобы получить обладание богатством Царства, необходимо рождению водою и Духом: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 5). Вера, рождая свыше, открывает духовные очи для зренья Царства Божия, делает это, доселе скрытое Царство видимым и созерцаемым; рождение водою Крещения и Духом Святым вводит в Царство Божие, делает обладателем богатства этого Царства. «Покайтесь, и да креститесь каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа» (Деян. 2, 38). Богатство Царства — дары Святого Духа; «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). Царство Божие — стяжание Христа, жизнь со Христом, в благодати Духа и в дарах Духа. Царство Божие — Царство Троицы в сердце человека. «Кто любит Меня, — сказал Господь, — тот соблюдет Слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Таково блаженное Божие Царство, пребывающее внутри человеческого сердца. Это благодатное, но странное для обычного человеческого представления Царство — Царство не земное и не от мира сего — может быть приемлемо только буйством веры в силу детской доверчивости к возвестившему это Царство Царю его — Сыну Божию. «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Кто умалится, как дитя, тот и больше в Царстве Небесном. Полная вера словам Христовым, такая полная вера, какая бывает у дитяти к своему отцу и матери, и такое смиренное сознание о себе, какое бывает у дитяти по отношению к взрослым, — вот что дает право входа в Царство Небесное. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Фарисейская горделивая праведность чужда этому Царству, а мытари и грешники через смирение и покаяние удобно входят в него. Так со стороны человека требуется подвиг, чтобы войти в Царство Небесное, подвиг веры, смирения и покаяния. Поэтому вход в Небесное Царство, сравнительно с широким путем греховной человеческой жизни, узок и труден. Жизнь в Царстве Божием требует борьбы с греховностью человеческого существа. Она неизбежно есть жизнь земной скорби, и требуется много терпения в скорбях для стяжания Царства. «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). «Претерпевый до конца, той спасен будет». «В терпении вашем стяжите души ваша». Желаящему войти в Царство Божие приходится входить узкими и тесными вратами самоприножжения, всякого рода скорбей и терпения и приобретать Царство Божие с усилием. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 18). Надо обречь себя на подвиг непрестанного искания, усиленного стремления, чтобы искание стало выше и важнее всех прочих целей, потребностей и привязанностей жизни. «Ищите прежде Царства Божия и правды его» (Мф. 6, 33).

В этом искании Царства Божия требуется крайняя внимательность со стороны ищущего к самому себе. Он должен помнить, что окружен враждебными силами, препятствующими в искании Царства и стремящимися отвратить его от этого искания. «Ко всякому, слушающему

слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его» (Мф. 13, 19). Слово о Царствии надо принять и беречь в своем сердце, ибо доброе семя этого Царства может оказаться на несоответствующей почве нашего сердца и не дать никаких плодов, остаться талантом, зарытым в землю и не приумноженным, Царством, не раскрывшимся в душе человека. Царство Божие ревниво к себе самому; оно требует, чтобы человек, который желает стяжать его, отдал всего себя, все свои силы на стяжание этого Царства. Оно, как сокровище, которое если найдет человек скрытым на поле, то от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Оно подобно «купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 45—46). Но если стяжание Царства Божия человек думает совместить с земными привязанностями, тогда вход в Царство затрудняется или запрещается совсем, если жизнь ищущего не сходна с жизнью насельников Царства. «Трудно надеющимся на богатство войти в Царство Божие» (Мк. 10, 24). «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21). Явившиеся не в брачной одежде изгоняются из Царства, не запасшим елей и угасившим светильники свои не отверзаются двери. «Неправедные Царства Божия не наследуют. Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни злоречивые, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 9—10). Но кто отрешается от всего греховного, от земных привязанностей и даже от самой жизни своей ради Христа и Его Евангелия, тот стяжавает обладание Царством и на земле и в вечности. «Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк. 10, 29—30). Поэтому, хотя Царство Божие стяживается многими скорбями, но оно есть радость «о Дусе Святе», так как скорбь здесь преодолевается ощущением благодатности Царства, внутренней полноты жизни, которой живет «в Дусе Святе» всякий книжник, наученный Царствию Божию (Мф. 13, 52). Поскольку стяжание Царства Божия душой человека ставится в зависимость от отречения человека от самого себя и от одержавшего его греха, Царство Божие не может сразу во всей полноте сделаться достоянием человеческой души. Оно постепенно раскрывается в душе верующего, оно растет в сердце человека, как растет семя, брошенное в землю. И этот рост мало приметен для человека. «Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю. И спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он; ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе» (Мк. 4, 26—28). И это потому, что растит Царство Божие в душе не сам человек, а Дух Святой. «Я,— говорит апостол,— насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1 Кор. 3, 6). «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3, 16).

Царство Божие кладется в душу человеческую, как малая закваска, которая постепенно заквашивает все содержимое душевной жизни и делает его однородным с естеством своим, потребляет всякую нечистоту духовную и претворяет душу человеческую в природу святости и чистоты. Постепенно тлеет ветхий, греховный человек, обновляется и возрождается внутренний, духовный, благодатный. Царство Божие, начав обладать душою человека, заполняет собой все существо этой души, делая ее храмом Духа и обиталищем Божества. Брошенное в

землю человеческого сердца малое семя Царства Божия — как зерно горчичное, «которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13, 32). Овладев душою человека, Царство Божие износит из сердца человеческого добрыя и сторищные плоды своего господства, и многие из людей, подобно птицам, ютящимся на ветвях горчичного злака, могут получить благодатную пользу от стяжавшего Царство Божие внутри своего сердца.

Так Царство Божие в отношении каждой верующей души есть теснейшее единение этой души с Богом, благодатно начинающееся на земле, постепенно укрепляющееся и возрастающее до полноты обладания душой и продолжающееся в блаженную и бесконечную вечность. Если Божие Царство, возведенное Спасителем мира, рассматривать не в отношении отдельной верующей души, а в отношении всех верующих во Христа, то Царство Небесное будет Церковью Божией, Телом Христовым, полнотой все наполняющей. Церкви Божией дана полнота благодати. Она управляется своею Главою — Христом, в ней неоскудно вест дыхание жизни — Дух Божий; она потому, как невеста Христова, никогда не стареет, но присно юнеет, присно полна всеоживляющей благодати, богато даруемой каждой верующей душе крещением, таинствами Церкви и подвигами жизни. И Церковь Христова как Богочеловеческий организм, как единение Бога с верующими в Него есть Царство Божие на земле, но Царство не от мира сего, потому что верующие живут в этом Царстве не по законам мира сего, а по благодатным законам Евангельского Божьего Царства. Земная воинствующая Церковь возводит верующих к Церкви небесной, но та и другая — едино во Христе, единый, целостный, Богочеловеческий организм, Тело Христово. Земная Церковь — Церковь воинствующая; она вмещает в себе верующих, борющихся за обладание Царством Божиим. Не все верующие одинаково борются, не все одинаково побеждают. Все призываются на брачный пир Царства Божия, повсюду глашатаи Евангельского Царства ищут человеческие души для трапезы радости в Царстве Божием. «Много званых, но мало избранных». Не все откликаются на призыв глашатаев Царства и, откликнувшись, не все приходят в брачной одежде и с запасом благодатного елика в сердцах. Поэтому Царствие Божие уподобляется полю, на котором вместе с добрым семенем попадает и дурное. То и другое растет вместе до жатвы, после которой илелвы собираются вместе и сжигаются, а пшеница наполняет житницу Божию, т. е. Царство Небесное. Царство Божие уподобляется неводу, который, будучи заброшен в море, вытаскивает оттуда рыб хороших и дурных; хорошие берутся, а дурные выбрасываются вон. Церковь воинствующая — земное Царство Божие — в душах верующих борется с царством дьявольским, и свобода человеческая склоняет себя в ту или другую сторону — или, вспоможествуемая Божественною благодатию, в сторону стяжания Царства Божия, или, прельщаемая грехом, в сторону услады суетным блаженством мира сего. Верующему, склонному к обольстительным похотям греховного жития, надо вымолить пришествие Царства Божия внутрь своего сердца, надо молитвенно просить и его скорейшего господства и скорейшего преобладания над всем злом человеческой свободы и дьявольского влительства в греховном мире. «Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Да настанет в скорейшем времени тот момент, когда царство мира сего сделается вечным Царством Бога и Отца, когда будут собраны все соблазны и делающие беззакония и ввергнуты в печь огненную (Мф. 13, 41—42). Это будет завершением земного Царства Божия, исполнением задачи воинствующей Церкви Христовой. Тогда воинствующая Церковь прекратит свое существование в земных условиях бытия вме-

сте с существованием этого земного мира, Церковь Божия начнет новую жизнь в полноте всех Божественных обетований, в красоте и нетлении вечного блаженства, когда, по всеобщем воскресении, будет новое небо и новая земля и когда Сын Божий предаст Свое Царство Богу и Отцу и Сам Сын покорится Покоршему Ему всяческая, да будет Бог всяческая во всех (1 Кор. 15, 28).

Так Царство Божие, Царство благодати Божией на земле, Церковь Божия становится вечным Царством Божиим, и наследники этого Царствия, усыновленные Богу Отцу во Христе, становятся вечными гражданами блаженного Царства, народом Божиим, и «Сам Бог с ними будет Богом их» (Откр. 21, 3).

Глава III. ВНУТРЕННИЙ ПРОЦЕСС СПАСЕНИЯ

А. ОБЩИЕ НОРМЫ СПАСИТЕЛЬНОГО ПУТИ

Рассмотрев все условия спасения, созданные Божественным Промышлением, мы видим, что внутренний процесс воссоздания человеческой личности мыслится как двусторонний процесс. Неизбежным условием спасения со стороны человека является участие человеческой свободы в содеянии спасения. Хотя все спасение человека, весь внутренний процесс преобразования его личности совершается Самим Богом через дарованные Им благодатные средства, но возможность его совершения требует неизбежного участия человеческой свободы.

1. Участие человеческой свободы в содеянии спасения

Свобода человека по существу также призывается и влечется к подвигу спасения Богом. Богом же она укрепляется и закаляется в совершении пути спасения, тем не менее она вступает на подвиг спасения не по насилию со стороны, не вынужденно и помимо личного участия человека, а совершенно свободно и сознательно. В этом вся суть двустороннего значения процесса спасения. Эта истина ясна сама по себе, постулируется всем ходом впадения человека в ненормальное положение и всем планом Божия спасения человека. В ненормальное положение человек впал благодаря ложному уклону своей свободы. В процессе спасения свобода должна стать на правильный путь и укрепить на этом пути. Ясно, что без самой свободы это достигнуто быть не может.

а) Свободное принятие христианства как цельного мировоззрения

Участие свободы должно быть проявлено прежде всего в принятии человеком Божьего домостроительства, или, что то же, Евангельского учения как единственного пути к восстановлению идеальной человеческой жизни, т. е. в опознании христианства как единственной истинной религии, дающей спасение человеку. Вслед за сим следует крещение, которым и начинается благодатная христианская жизнь как реальный процесс внутреннего обновления и воссоздания человеческой личности. Опознание христианства и Церкви Божией как единственно спасающей среды влечет за собой полную переоценку прежних ценностей. Прежнее эгоистическое направление и содержание жизни определяется как ложное и недолжное, оно отрицается как прежняя норма жизни, и новой нормой избирается идеал христианский. Таким образом, внутри человеческого сердца наступает радикальная перемена. Признается недолжным, ненормальным все прежнее содержание его жизни и возникает горячее стремление заменить это ненормальное содержание содержанием нормальным. Отрицание эгоистического содержания жизни есть не что иное, как отрицание того порядка жизни, который укрепился в душе человека через властительство над ним

духа злобы; в существе своем оно есть попрание этого властительства, выход из него и вхождение в состояние сыновства Божия, Божьего чада. Внутренне, в душе человека это есть процесс покаяния как процесс внутреннего изменения, внутренней перемены, что, собственно говоря, и составляет подлинный смысл греческого слова *μετάνοια*. Поэтому покаяние как осуждение прежней жизни и обещание начать новую жизнь предшествует крещению. Призывом к покаянию началась проповедь Спасителя и еще раньше — проповедь Предтечи, этим же призывом как необходимым условием сопровождается и проповедь учеников Христовых. Таинству Крещения в его церковной практике при крещении взрослого также предшествует исповедание согрешений; самый же чин крещения запечатлевает в себе все вышеуказанные моменты внутреннего состояния человеческой души, вступающей в новую благодатную жизнь, как-то: попрание сатанинского властительства, обещание Богу доброй совести и сочетание со Христом верою и любовью.

Но крещением полагается только начало новой благодатной жизни. Сама новая жизнь еще впереди. Свобода человеческая только еще устремилась к новой жизни, в самосознании человека только еще совершилось решение вести эту новую жизнь. Этим решением и самоопределением души соединилась Божественная благодать, властительство сатанино изгнано из глубины сердечной; оно остается в окружающем мире, в перифериях души, и не перестает подстерегать свободу всяким соблазном греха, всяким искушением на возвращение к прежним навыкам и устоям жизни. Вот почему крещением полагается только начало жизни спасения как жизни восстановления идеальной человеческой личности. Далее следует сама эта жизнь как постоянный подвиг человеческой свободы в борьбе с греховными поползновениями, подвиг, вспомоществуемый Божественною благодатью. Практикой жизни установлено совершать крещение в детстве. Но обычно христианская жизнь начинается уже в сознательном возрасте. В этом случае чаще всего началом ее служит осознание прежней жизни как жизни исключительно греховной, не ведущей ко спасению, проведенной в суете и беспечности. Результатом такого осознания является решительный перелом в настроении, венчающийся покаянием и обещанием Богу доброй совести. В данном случае это покаяние будет отличаться большей степенью интенсивности сравнительно с прежними случаями раскаяния. По своей внутренней силе в решимости начать новую благодатную жизнь оно будет соответствовать как бы второму крещению и в этом смысле явится началом благодатного изменения в жизнь вечную.

б) Внутренний духовный перелом — грань, определяющая начало христианской жизни

В том и другом случае — как при крещении в сознательном возрасте, так и в решительном покаянии после беспечной или вообще недостаточно усердной христианской жизни — мы неизбежно должны встретиться с внутренним духовным переломом как характерной гранью, обозначающей начало сознательной христианской жизни, тем духовным переломом, с которого начинается решительная борьба свободы с искушающим ее злом. Без этого перелома, своего рода духовного кризиса, переоценки внутренних ценностей в смысле решительного намерения заменить ложные ценности ценностями истинными немислимо начало сознательной христианской жизни, равно как без дальнейшего подвига свободы и попраения ценностей ложных и постепенно углубляющегося усвоения ценностей истинных немислима последующая христианская жизнь.

в) Уничтожение греховного содержания жизни и усвоение благодатного

Таким образом, во внутреннем своем существе процесс спасения как процесс благодатного возрождения человеческой личности должен заключаться, с одной стороны, в уничтожении, заглушении и испелении греховно нажитого содержания душевной жизни, отрицательного элемента ее, с другой стороны,— в усвоении и возвращении положительных, благодатных сторон христианской жизни, ее положительного идеального содержания, т. е. сонма христианских добродетелей с венчающей их царицей и вершительницей добродетели — всеобъемлющей любовью к Богу и к ближним.

Искоренение греховного содержания, как по существу своему действию отрицательного характера, освобождающее душевную жизнь от ряда нежелательных внутренних процессов (неделания грехов), само по себе не дает этой жизни ничего положительного; оно освобождает душу от прежнего содержания, как бы опустошает ее, но не дает ей ничего нового. Душа, оставаясь пустой, легко удобопреклонна для нового восприятия прежнего содержания, так как она вообще не может оставаться без какого-либо содержания. Ясно, поэтому, что одно искоренение греховного содержания не врачует души и не изменяет ее испорченной природы. Врачевание души, ее действительное изменение в смысле духовного перерождения возможно лишь благодаря усвоению душой положительного благодатного содержания — новых чувств, новых мыслей и настроений, вообще говоря, благодаря навыку добродетелям. Сознательное приучение себя жить благодатным христианским настроением, в сфере благодатных христианских добродетелей, заполняя душу новым содержанием, постепенно вытесняет греховно нажитое содержание, оставляя ему все менее и менее места для нового вторжения. Благодаря этому оно является действительным врачевством души, средством постепенного изменения ее внутренней жизни, уничтожения греха и восстановления идеального бытия.

2. Усвоение благодати Пресвятого Духа — основное стремление свободы

Таким образом, духовный рост спасающейся личности обуславливается степенью интенсивности усвоения его христианских добродетелей. Но так как каждый момент духовного преуспеяния в процессе совершенного спасения является делом Божественной благодати, оплодотворяющей усилия человеческой свободы, то главным стремлением спасающегося, в силу этого, становится искание и усвоение этой именно благодати Всесвятого Духа, что практически выражается преимущественно в постоянном устремлении сердца к Богу в молитве.

а) Молитвенность — атмосфера жизни спасающегося

Стремление души к постоянному единению с Богом через молитвенное обращение к Нему сердца и становится для спасающегося той атмосферой, среди которой протекает постепенное духовное обновление и совершается весь подвиг спасения. Стяжание дара постоянной молитвенности, стяжание сердца, всегда обращенного к Богу и в Нем покоящегося, является задачей подвижника и целью его трудов.

б) Богообщение и Боговселение — цель жизни

Таким образом, внутренняя сущность процесса спасения сводится к стяжанию неоскудевающего Богообщения, и степенью глубины единения человека с Богом, восходящего на высших степенях совершенства до Боговселения, когда Господь в Царственной Троице становится не-

отъемлемым достоянием человеческой души, измеряется духовный рост христианина. Понятно, что Богообщение в данном случае находится в непосредственной связи с Богопознанием: чем глубже состояние Богообщения, тем внутренне шире область Богопознания, ибо Божество, неизъяснимое для человеческого ума, постигается во внутреннем существовании души человека.

в) Христианская добродетель — обнаружение (выявление) во вне внутренне переживаемого благодатного состояния

Христианские добродетели становятся лишь выявлением во вне внутренне переживаемого состояния Богообщения, обнаружением в соответствующих действиях того, что внутренне является содержанием душевной жизни. Полнота Богообщения и Богопознания в то же время является и полнотой добродетелей. Теснейшее единение с Богом во Христе есть не что иное, как горячая любовь сердца ко Христу; любовь же к Богу неразрывно связана с любовью к вожделенному созданию и Божьему образу — человеку, что и является совмещением в себе всех добродетелей.

Так во внутреннем устремлении сердца к Богу совершается постепенное преображение человеческой души, и эгоистическое содержание душевной жизни претворяется в благодатно-идеальное настроение.

3. Созерцательная и деятельная жизнь

Здесь мы находим разрешение постоянного спора о взаимной ценности созерцательной и деятельной жизни. Сущность спора переносится в глубину человеческого духа, к истокам его внутренних переживаний. Поскольку та и другая жизнь вытекает из глубины стремящегося к единению с Богом человеческого духа, оба пути равноценны, и внешнее различие их суть индивидуальные состояния спасающихся.

Созерцательная жизнь непосредственной задачей своей имеет скорейшее осуществление цели, к чему, подбирая соответствующую обстановку, и направляет всю энергию человеческого духа, как бы фокусируя все его силы в одной точке и устраняя всё, отвлекающее от основного стремления. Но, достигнув цели, вступив в теснейшее единение с Богом и усовершенствовавшись через это в полноте любви к страждущему человечеству, подобная душа обычно влечется Богом на подвиг служения ближним, и проходит этот подвиг души в полноте действенности Святого Духа с великой пользой для ближних и для нее самой. Подвиг созерцательной жизни требует великого мужества души и потому чаще начинается деятельной жизнью, продолжается избранием соответствующей обстановки для жизни созерцания и заканчивается нередко благодатным совмещением, по Божественному Промыслению, внутренне созерцательного настроения и деятельности в самоотверженном служении ближним полученными дарованиями Всесвятого Духа.

4. Смирение — преобладающее настроение спасающегося

Так как всякое духовное преуспевание, всякое молитвенное утешение, всякое благодатное переживание осознается спасающимся как дар милости Божией и весь вообще процесс духовного возрождения осознается как дело Божественной благодати, то ответным чувством спасающейся души на этот дар Божьего попечения является благодарное смирение как ее преобладающее настроение. И чем более душа видит о себе Божие попечение, чем интенсивнее чувствует на себе касательство врачующей ее немощи Божией десницы, тем глубже она проникается смирением, тем более и более усматривает себя недостойной Божией любви и Божьего участия.

Таким образом, если теснейшее единение с Богом является целью

подвижнических трудов, то смирение, глубочайшее сознание своей худости, своего недостойнства становится тем общим путем, тем неизменным фоном, на котором и благодаря которому достигается духовное преуспеяние. Высота духовного преуспеяния неизбежно сопровождается глубиной смирения, и чем большими дарованиями наделяет Господь спасающегося, тем большим он проникается перед Богом смирением и сознанием своего недостойнства. Поэтому смирение служит неизменным спутником духовного совершенства. Наоборот, отсутствие смирения является признаком духовной гордости, духовной болезни. Смирение исчезает в сердце, когда человек начинает придавать значение своей личности, своим трудам в деле спасения, обращает внимание на свои добродетели и подвиги, придает им цену как результатам своего личного усилия. Но это есть не что иное, как разрыв с Богом, замыкание внутри себя, концентрирование внимания на своем «я», повторная форма самоутверждения, обнажающая человека от (приникновения к нему) Божественной благодати и лишаящая его теснейшего внутреннего единения с Божеством.

5. Гордость — тяжкий недуг души

Гордость в духовном подвиге, когда подвижник сочтет себя преуспевающим в духовной жизни, представляет величайший недуг души, крайне трудно врачующий.

Итак, в двустороннем процессе спасения со стороны подвизающегося выступают как основные элементы, как своего рода фундаментальные основы: подвиг уничтожения греховно нажитого содержания жизни, совершаемый заглушением этого содержания через изгнание его усилиями свободы, и подвиг насаждения в сердце вместо греховного содержания содержания благодатного — сонма христианских добродетелей. При этом должна быть воспитана ненависть ко греху, решимость быть готовым на смерть в борьбе против греха и ревность к стяжанию добра. Главной силой, способствующей преуспеянию души в спасительной жизни, является Божественная благодать Всесвятого Духа, которая привлекается и охраняется душой через постоянное молитвенное состояние сердца перед Лицом Божиим, пребывающего, благодаря этому, в неразрывном единении с Божеством и приникновении к нему Божественной благодати. Путем же, обеспечивающим действительность человеческих усилий, является смирение как постоянное сознание своего убожества и недостойнства и ожидание милости и помощи от одного лишь Божественного милосердия.

6. Система духовного совершенства

а) Разнообразие путей спасения

применительно к человеческим индивидуальностям

В своем практическом осуществлении указанные общие нормы пути спасения допускают бесконечное множество разветвлений, бесконечное разнообразие при своем применении в зависимости от индивидуальности спасающегося и той обстановки, в которой он проходит свой путь спасения. Поэтому никак нельзя начертать какого-либо единого, одинакового для всех пути спасения. Этот путь для каждой личности строго индивидуален и есть путь особый, для нее единственный.

б) Общие ступени в пути спасения

Но, будучи строго индивидуальным для каждого в отдельности, путь спасения неизбежно предполагает собой общие этапы, общие ступени в своем поступательном восхождении. Эти общие ступени и общие этапы будут выражаться в известных внутренних переживаниях, в той или иной степени неизбежно посещающих душу каждого спасающегося.

в) Возможность характеристики ступеней духовного восхождения и ее условное значение

Отсюда является возможность некоторой характеристики ступеней духовного восхождения и установление некоторой их (поступательной) градации. Но при строго индивидуальном характере пути спасения означенная характеристика неизбежно будет носить общий и, в приложении к индивидуальности, условный характер. Она не будет адекватна индивидуальному опыту, являясь шире его для души мало преуспевшей и уже — для души идеально возвышенной. Самая градация духовных ступеней также может не быть соответствующей всем духовным опытам спасающихся, ибо и здесь нельзя зачеркивать индивидуальность и пути нарочитого Божия Промышления. За попыткой привести в систему духовный опыт, поэтому, должно остаться условное значение. Но самая эта попытка необходима как в силу требований человеческого духа систематизировать получаемые им знания, так и ради той великой духовной пользы, какую подобная система может дать для душ, ищущих спасения. Понятно, что система духовного опыта может строиться лишь на (частных) систематизациях его в свято-отеческих творениях лицами, опытно прошедшими путь спасения и зафиксировавшими его письменно или устно.

г) Система духовного опыта как ряд постепенно углубляющихся духовных настроений

Необходимо иметь в виду, что предполагаемая градация ступеней духовного совершенства по своему внутреннему характеру не может быть представляема как лестница восхождения от одного, менее совершенного вида действий к другому, более совершенному. Скорее, — это ряд внутренних настроений, не столько постепенно развивающихся, сколько постепенно углубляющихся и в своем углублении обогащающих внутренние истоки души все новым и новым содержанием.

Истины христианской веры, сонмы христианских добродетелей теоретически более или менее известны каждому христианину, сознательно начинающему подвиг спасения, но истины веры часто внутренне не пережиты и глубоко не прочувствованы, добродетели не возделаны. В подвиге спасения совершается переживание истин веры, углубление в них. Равным образом добродетели, в некоторой мере присущие приступающему к подвигу спасения, благодатно углубляются в сознании и раскрываются с неизвестных дотоле сторон, чем подвижник влечется на все более и более глубокое воздвизание их. Подобный внутренний характер духовного совершенствования обуславливает сам собой возможность не постепенного перехода спасающегося от упражнения в одной добродетели к упражнению в другой, а сосредоточие сил души на одном каком-либо добродетелании, почему-либо благодатно приковавшем к себе духовный взор подвижника. Такой духовный подвиг в одном определенном добродетелании, в силу теснейшей связи всех видов добродетели между собой по единству их природы, будет вмещать в себя в известной степени и внутренние настроения, соответствующие всем другим видам добродетели.

д) Единство добродетели

Добродетель онтологически едина. В идеальном своем положении она есть устроение человеческой жизни в полноте любви к Богу и ближнему. Как таковое устроение, добродетель выражает собою идеальную природу богозданного человека и есть онтологическая сущность его жизни. Как качественно определенное устроение человеческого духа, добродетель неделима и представляет собой целостную полноту внутренней духовной жизни. Но в греховном состоянии человеческого

духа, когда утерянный идеал добродетели становится искомым и трудно достигаемым устроением, добродетель перестает восприниматься человеческим сознанием как единое целостное устроение человеческого сердца, как онтологически неделимая сущность. Дух человека в стремлении к идеалу добродетели стал проходить на пути к идеалу многие ступени, на которых он упражняется в стяжании отдельных сторон единой, неделимой добродетели. Единая добродетель в сознании человека, таким образом, делится как бы на части. Воспринимаемая с отдельных сторон, она стала представляться в этих восприятиях в отдельные, самостоятельные виды добродетели, из коих каждый получил особое наименование и сделался как бы самостоятельным добродетелью. Так явились: смирение, кротость, послушание, милосердие, целомудрие и прочие добродетели, опознаваемые ограниченным человеческим сознанием как нечто целое в своей отдельности и самостоятельное. На самом же деле это есть не что иное, как частные виды единой целостной добродетели, отдельные стороны единого душевного настроения, долженствующего на пути духовного усовершенствования претвориться в полноту любви к Богу и ближним. «Добродетель, — говорит Евагрий, — по существу одна, но видоизменяется в силах душевных, подобно тому, как солнечный свет не имеет фигуры, но обыкновенно принимает форму отверстий, через которые проходит»²⁸.

Смирение, плач о грехах, кротость и все прочие виды добродетели при более глубоком анализе чувств, волнующих душу, упражняющуюся в стяжании вышеозначенных и всех прочих видов добродетели, оказываются имеющими в своей основе устроение сердца, жаждущего побороть греховность и усовершиться в любви к Богу и ближним. С другой стороны, все отдельные виды добродетели, имея своею конечною целью усовершенствование сердца в любви к Богу и ближним, в существе своем есть в той или иной степени выявление и обнаружение этой любви. Так и в чувстве души, в анализе душевных переживаний познается единая природа добродетели, ее онтологически целостная, неделимая сущность. Только наше ограниченное земною конечностью и суженное грехом сознание не всегда в силах духовно возвышаться и созерцать красоту единой добродетели, а более склонно воспринимать отдельные стороны единой добродетели, давая им соответствующее наименование и обособляя их в отдельные самостоятельные добродетели. Ввиду единства природы добродетели, все виды добродетели как представляющие собой отдельные стороны единой неделимой добродетели существенно связаны между собой. С одной стороны, они в своем сочетании могут представлять лестницу постепенно возвышающихся духовных устроений, венчающихся полнотой всесовершенной любви к Богу и ближним. В этом случае душа, упражняющаяся в добродетельной жизни, может от одной, менее высокой добродетели переходить к другой, более высокой, пока не взойдет на вершину добродетельного жития. С другой стороны, каждая добродетель сама по себе, в силу единства природы добродетели, при своем развитии и усовершеншении неизбежно должна включать и вмещать в себя другие добродетели и, восходя на высоту духовного развития, должна заканчиваться полнотою единой неделимой добродетели. Через это каждый вид добродетели сам по себе, при своем развитии в усовершенствии, становится всеобъемлющим, включающим в себя другие добродетели и восходящим к пределу совершенства. Таким образом, упражнение в едином определенном виде добродетели в своем конечном результате дает те же плоды, что и упражнение в целом ряде постепенно возвышающихся добродетелей, так как усовершенствование в одном виде добродетели вмещает в себя внутренние настроения души, соответствующие всем дру-

²⁸ Добротолюбие, т. I, с. 616.

гим видам добродетели. В этом случае душа, упражняющаяся в одном определенном добродетелании, например, в стяжании глубины смирения через подвиг юродства, в своей внутренней жизни пройдет весь ряд постепенно возвышающих ее до полноты любви к Богу и ближним духовных настроений и сделается, благодаря этому, причастницею всех добродетелей.

Процесс спасения в своем положительном смысле как восстановление идеальной природы богозданного человека, т. е. претворения ее из природы греха в природу добродетели, и есть именно усвоение душой в постоянный навык, в свою природу духовных устроений, соответствующих отдельным видам добродетели, и стяжание венчающего эти отдельные устроения общего устойчивого и непоколебимого устроения всесовершенной любви к Богу и ближним. В этом процессе душа неизбежно проходит ряд ступеней, ряд духовных устроений, постепенно углубляющихся и возвышающихся в отношении идеала ее конечных стремлений. Чем больше душа возвышается по ступеням совершенства, тем глубже ее проникновение в тайны духовного постижения, тем интенсивнее ее внутренние переживания. Научно выражаясь, мы все имеем здесь дело не с анализом, постепенно разлагающим целое на составные части и исследующим (познающим) раздробленность этого целого, а с синтезом, все более углубляющим душевные переживания, все более и более объединяющим их в высшем духовном постижении и приводящим через созерцание Начала беспрельдной любви в полноту всесовершенного единства, в блаженство сердца, покоящегося покоем любви к Богу и Его созданиям.

Ввиду вышесказанного, градация ступеней духовного совершенствования в итоге будет представлять собой характеристику тех внутренних благодатных настроений, которые переживаются спасающимися в подвиге своего духовного роста, и изображать ряд этих настроений в порядке постепенного их развития и нарастания, причем этот порядок ни в каком случае не может мыслиться как неизменный ряд для всякой индивидуальности.

с) Сочетание или гармония свободы, благодати и закономерности в добродетели

Здесь необходимо отметить чудное сочетание, гармонию свободы, благодати и закономерности в добродетели. Сохраняется индивидуальная свобода в смысле избрания ею и предпочтения определенного вида добродетели. Благодать Божия сопутствует свободе в избранном ею пути духовного совершенства. Но в то же время Божественная благодать руководствуется закономерностью духовного возрастания, и подвигающийся, применительно к своему индивидуальному состоянию, проходит постепенно ряд благодатных настроений, подготовляющих его к совершенному единению со Христом в таинственном Богообщении и упокоению в его сердце Святой Троицы через блаженное Боговселение. Таким образом, антиномично сочетаются: закономерность духовного процесса и его относительность (некоторая условность), свобода индивидуальности и руководство ею со стороны Божественной благодати.